

1986

IB
C
T
D
C
L
N

ВСТРЕЧИ

**АЛЬМАНАХ
ЕЖЕГОДНИК**

1986

ФИЛАДЕЛЬФИЯ

Обложка Владимира Шаталова

Редактор: Валентина Синкевич

Редакционная коллегия:

Елена Дубровина, Михаил Крепс,
Александр Рязановский, Владимир Шаталов

ENCOUNTERS
7738 Woodbine Avenue
Philadelphia, Pa. 19151
U.S.A.

Library of Congress Catalog Card No. 84-645937
ISSN: 0888-5257

В НОМЕРЕ

Поэзия

- Ирина Одоевцева* – Во время обедни 5
- Бахыт Кенжеев* – "Ни месяца, ни звезд..." "Такая ранняя зима...".
"Усталый дремлет ученик...". "Кто же меня обзывал...". "Да,
что касается...". 6
- Ольга Анстей* – Родной язык. "Когда весь дом...". Обет. 11
- Иван Елагин* – "Посмотри, как торопится птица...". "Еле красноват...". Из старой тетради. Притча о времени... 15
- Павел Бабич* – "Возвращается ветер... "Я в новый век..." Летний день в Нью-Йорке. "По ком звонят колокола?..." "Доброжелателям." 19
- Лидия Алексеева* – "Ты, родная, нечасто..." "Потерям и слезам..."
"Липко пахнет...". "Так мягок был декабрь...". 23
- Лев Лосев* – Юрий. 27
- Рина Левинзон* – "Будь, где хочешь...". "Хочу остаться...".
"Три шага в сторону...". "Откуда мы?..." "Черные поезда...".
Бессмертие. Гамлет. Другая осень. 28
- Николай Моршен* – Стихи на случай. Азбука демократии. 32
- Екатерина Таубер* – "Суровой станут...". "Судьба стихов...".
Портрет. 34
- Александр Воловик* – Вресень. Грудень. Травень. 36
- Борис Филиппов* – "Бык, похитивший Европу". 38
- Ирина Богачинская* – Андрей Вознесенский в Нью-Йорке. Моим
милым злопыхателям. "Где ты мой..." 41
- Александр Рязановский* – Диалектика харбинской весны. Театр в
траншеях. Лунный самогон. Творческий потенциал. *Mal de
Terre*. 45
- Валентина Синкевич* – Плач по зверю. Амадеус. Когда мало
времени. 26 апреля 1986. "Так пишут умно..." 49
- Борис Шапиро* – Спешу. 55
- Евгения Димер* – Из памяти. 58

<i>Виктор Урин</i> – Март. Времена года в Нью-Йорке. Жовтень, November, декабрь.	59
<i>Лия Владимирова</i> – Летний день. "Как лето, сон...". "Неведомое собственным словам...". "Не кори притворством..."	61
<i>Михаил Крепс</i> – Обращение волка к Франциску. В Сен-Реми. Филомела. Плющ.	65
<i>Олег Ильинский</i> – Готика. Из блокнота. Предвкушение весны. Фонарь. В поездке.	69
<i>Нина Косман</i> – "Встречать ли рассвет...". "Осыпался вечер...". "Погляди, они возвращаются..." "Видишь ли..."	72
<i>Александр Глезер</i> – "Гори, камин,..." "Дождь – не дождь..." Дождь в день смерти Христа. "Опять явилась ностальгия..."	77
<i>Ирина Вайль</i> – День. "О, если б..." Единение. Вечер. Некрасивая девочка. Люди и птицы.	80
<i>Игорь Михалевич-Каплан</i> – На смерть поэта. Признание под молодой луной. Возвращение.	83
<i>Елена Дубровина</i> – На берегах Невы. Из цикла "Воспоминания"...	85
<i>Вадим Крейд</i> – На барке. Путем вселенной. Орехово. В царско- сельском парке.	91
<i>Олеся Бабич</i> – "Я около кустов...". После кинофильма "Петр Великий"	93
<i>Борис Ветров</i> – "В большой копилке бытия...". У портрета. "Затоскую опять...". "В горькой памяти..."	94
<i>Елена Иоффе</i> – Блики.	97
<i>Владимир Шталов</i> – "Время идет через нас...". "У обочины не- забудки...". "Кончается второе тысячелетие". "Всё случается в непогоду...". "За морями синими..." "Мерещится из книги памяти..."	99
<i>Александр Ростовский</i> – "Уже грохает ведрами..." "Скомкана в небе...". "Мы очень мало..."	105
<i>Леонид Семенюк</i> – Весеннее. Лишний. "Шли поезда..." "Коротко канадское лето..." "Соблазны и тени.	107
<i>Константин Кузьминский</i> – Половецкие пляски.	110

<i>Надежда Пастернак</i> – Сонет сыну. Сонет VII. "С утра, я вижу..."	113
<i>Арсений Несмелов</i> – Родина. В Нижнеудинске.	115
<i>Винифред Раулинс</i> – Клин.	117
Искусство	
<i>Юрий Бобрицкий</i> – "Лес"	 13
<i>Надежда Карнова</i> – "Ликование жизни". Чаша.	 25
<i>Петр Муравьев</i> – "Памятник павшим".	 39
<i>Михаил Лазухин</i> – "Предзнаменование"	 63
<i>Ростислав Сазонов</i> – "Пикник"	 63
<i>Сергей Голлербах</i> – "Старик и женщина"	 75
<i>Владимир Одинокоев</i> – "Панк"	 89
<i>Владимир Шаталов</i> – "Гоголь"	103

ВО ВРЕМЯ ОБЕДНИ

Завтра праздник первопрестольный.
Мысли мечутся. Сердцу больно.
Тяжело и трудно дышать.
До чего я собой недовольна –
Хоть бы сброситься мне с колокольни,
Чтобы только другою стать!

Ясно вижу свои недостатки –
Я челнок без руля и весла,
Я с собою играю в прятки,
Оттого-то я так весела
И так много делаю зла.
Я хотела бы, если могла
Убежать от себя без оглядки!

Лучезарно сияет дорога,
Уводящая в рай голубой.
Попрошу-ка у Господа Бога,
Чтоб Он сделал меня другой
И чтоб я не встречалась с собой –
Той веселой и злой
Никогда.

16 февраля 1977 г.

Ни месяца, ни звёзд в оконной яме.
Сплошная канцелярская возня
В приёмной вечности, с её секретарями,
Просителями... только у меня
Осталось мало времени, а силы
И вовсе нет... и ты меня простила,
А я – тебя. Давно уже. Молчи.
Позвякивают медные ключи,
Шестой этаж, натянута дверная
Цепочка. Уходи. Не понимаю
И не могу. И лестничный провал.
Я десять лет об этом горевал,
Не узнавал, раскаивался, вышел
На улицу, бегущую к реке,
И оклика вдогонку не расслышал.
Кто виноват? Молчи. Накоротке
С загробной немотой, я снова, снова
В нелепом сне спускаюсь наповал
По безобразной лестнице. Ни слова.
Я десять лет об этом горевал,
Я сам погиб, я вовремя не выкрал,
Не выкрикнул навстречу февралю,
Что время жить, что проигрыш отыгран...

Всё позади. И я тебя люблю.

Такая ранняя зима
Неотвратимый первый снег
И новобрачная кайма
По берегам покорных рек

Старик обиженный в углу
Нагар снимает со свечи
И спички ищет на полу
И чертыхается в ночи

Потом суставами скрипя
В протертом кресле и опять
Не то чтобы казнит себя
Но начинает смерти ждать

Вслепую по ночным камням
Вступает в свой последний сад
Метели не бывает там
Цветут полынь и виноград

Усталый дремлет ученик
И Гоголь дремлет за столом
Трещит камин храпит старик
Прощаясь с телом и теплом

А где же где же место мне
Не за столом и не в саду
Один в метельной тишине
Бульваром сгорбленным иду

Там до сих пор висит доска
На сером доме у ворот
Носатый профиль старика
Высокий лоб угрюмый рот

Молчит любимая метель
Арбат в начале ноября
Автомобиль ушел в тоннель
Напрасно фарами горя

В конце тоннеля детский свет
В кармане снежный леденец
И даже если смерти нет
Она приходит наконец

Кто же меня обзывал мешанином? Похоже, друг мой Гандлевский, в чаду многолетнего спора. Ох, я и вправду не слишком духовен, и все же перекуюсь, вероятно, достаточно скоро.

Ибо разлука подобна прожектору, пятнам резкого света на сумрачной сцене, началу самопознания, что ли. В ее невозвратном грустном сиянии чувствуешь мало-помалу

тягу к бессмертию, ненависть к нашему мраку, подвиг оставшихся – даром ли мы, россияне, и без второго пришествия съели собаку в эсхатологии и богословском тумане.

Вечер, сентябрь. На углу, где табак и газеты, некто небритый торгует гашишем. Устало сердце мое, да и писем по-прежнему нету. Глядь – а под дверью цветная реклама журнала

"Армагеддон". Выпускают его адвентисты, те, меж которых имелись большие посадки. Сей парадиз, обустроенный дивно и чисто, тоже, как видишь, имеет свои недостатки.

П.О.

Да, что касается воли и прочей свободы –
это, конечно, стремленье к ночным разговорам.
Помнишь деревню по имени Долгие Броды
или вечерний балкон над Серебряным Бором?

Если же вдруг без такого становится жутко,
к горлу подходит разлука, и черная осень,
гильзу возьму и табак, сочиню самокрутку.
Так, понимаешь, дешевле, – процентов на восемь.

Что до семейных забот, они в полном ажуре,
мальчик здоровый, пускай и родился до срока.
Пью молоко, помогаю супруге Лауре
в смысле размера и рифмы у раннего Блока.

Там, доложу тебе, пропасть щенячьего визга.
Позже – опомнится, будет спиваться, метаться...
Тема России. Частушки. Поэма "Двенадцать".
Муки молчания, смерть, запоздалая виза

Наркоминдела на выезд в Финляндию... носит
нашего брата по свету, всё к гибели тянет...
В дверь постучит незнакомая женщина, спросит
где предыдущий жилец – и исчезнет в тумане.

РОДНОЙ ЯЗЫК

Он снился мне титаном-кораблем
Под вздутыми седыми парусами,
И чудилось: пока мы с ним, на нем –
Мы даже может быть титаны сами.

На малый час – но счастливы сполна.
Хоть за корму крутую подержаться,
Пока за борт не смоеет нас волна...
А он – титан – он будет дальше мчаться.

Иль так еще: он – праздник, званый пир.
И мы званы! И мы вкушаем брашен
И пьем живую воду из кратир, –
И боги мы, и нам никто не страшен.

Но знаем: ненадолго мы в гостях,
И на глоточек лишний жадно метим,
Сжимаем хлеб преломленный в горстях
И прячем от стола объедки детям.

Для новых бражников нужны места –
И смена яств идет в высокой зале,
И нас, еще не вытерших уста,
Уводят спать. А пир бушует дале.

Когда весь дом причесан и умыт,
Осмысленной напитан тишиною,
И стол рабочий тянет как магнит
Своею сладостною шириною,

Когда лампадки верный огонек
На рушнике у образа поставлен,
И дух светло настрожен и строг,
И как лампадка бережно заправлен,

И надо эту тишину вбирать,
И карандаш тянуть к себе рывками,
И теплую раскрытую тетрадь
Листать нетерпеливыми руками –

Тогда возьму я ключ, пойду к дверям,
Подальше спрячу душу человека,
И Божьи все дары опять отдам
За двухнедельную бумажку чека.

О Б Е Т

Лес да лес, да в лесу гора,
Да берлога порожня змиева:
Змей на ловы ушел с утра,
Полетел на запад от Киева.

Шлях ползет под лесной пятой,
Туманец краснолесье кутает,
Да стеной стоит сухостой,
Да шиповник опушку путает.

Стук подков слышать издали:
Конь шагает и стремя треплется.
Княжич едет на край земли,
Клад обетный у груди теплится.

Вижу щит, да бровей разлет.
Тугоплетену косу девичью.
Княжич ладу свою везёт
Басурманскому королевичу.

Юрий Бобринский

"Лес"

Тушь, перо

Посмотри, как торопится птица,
Видно, время и мне торопиться,
Видно, время и мне подошло
Распрямить для полета крыло.

Посмотри, как торопится птица,
Видно, мне торопиться пора,
Закружился каштан темнолицый,
Как шаман посредине двора.

И листва у дороги шоссейной
Все откосы усыпала сплошь,
На костлявых танцоров Гольбейна
Каждый вяз придорожный похож.

...Скоро с этого аэродрома
Ты отправишься, мой самолет,
В неизбежный, крутой, незнакомый,
Невозвратный, последний полет.

Еле красноват
Гаснет небосвод.
Из окна глядят
Человек и кот.

А уже темно
Посреди двора,
Штору на окно
Опустить пора.

У кота другой
Ко всему подход,
Видишь, шерсть дугой
Выгибает кот.

Где-то белка куст
Чуть пошевелинет,
Кот почуял хруст,
Притаился кот,

Вжалась голова,
Кот ступил шажок,
Да едва-едва
Удержал прыжок.

Человеку прыть
Эта ни к чему,
Штору опустить
Хочется ему.

Как же так стряслось,
Что живут вдвоем,
А пекутся врозь
Каждый о своем?

ИЗ СТАРОЙ ТЕТРАДИ

Ты послушай ребер гуд, ребер гуд –
Это сердце – Робин Гуд, Робин Гуд!
И стучит оно, стучит оно в лад
С романтическим размером баллад.
Нахлобучивши шапчонку с пером,
С луком, стрелами, ножом, топором –
За кустами ты залег, говорят,
И шерифа разгромил ты отряд.
И с ватагою веселых стрелков
Ты от виселицы спас бедняков!
Лук подняв и тетиву натянув,
Скольким стрелам окровавил ты клюв?
Ты смотри – не повстречайся ни с кем
По дороге в Ноттингэм, Ноттингэм,
А не то, тебя петлей одарив,
Посмеется над тобою шериф!
А вокруг тебя – и дуб и орех,
Солнце ломится сквозь сотни прорех,
Веселится твой разбойничий стан,
А на вертеле коптится кабан.
И друзья твои уселись на пнях,
И отплясывает беглый монах,
И подружка твоя розы свежей,
Каких хочешь проведет сторожей!
Век за веком под шервудской листвою
Буйный табор собирается твой.
Век за веком по лесам напролом
Ты проходишь со своим топором!
Век за веком за тобою шериф
Скачет, доброго коня уморив,
Век за веком о тебе, Робин Гуд,
Благородные баллады поют!...

ПРИТЧА О ВРЕМЕНИ

ИЛИ

РАЗГОВОР ПЕРЕД НОВЫМ ГОДОМ

– Ты чего суетишься?

– Да вот
Спешка к празднику, к Новому Году.

– А по мне новогодних забот
Хоть и вовсе бы не было сроду.
Что мне нового год принесет?
Время? С вечною рифмою – бремя?!
Новый камень, что в мой огород
Зашвырнет вероломное время?
Каждый миг, каждый времени шаг
Мне на плечи ложится поклажей,
Новый Год – он не просто мне враг,
Он командует армией вражьей.
Так зачем же – подумай – врагу
Мне устраивать пышную встречу?

– Я попробую, если смогу,
На твои обвиненья отвечу.
Знаешь, так уж издревле пошло:
Теща всякая – зло безусловно,
И, конечно, такое же зло,
Скажем, теща, Надежда Петровна.
Ну, а бабушка, наоборот, –
Теплота, доброта и забота,
Тешит сказками, песни поет
И всегда опекает кого-то.
Только разум смущается наш,
Тут какой-то просчет, безусловно,
Так как бабушка – это она ж,
Та же теща, Надежда Петровна.
Да, пугает нас времени нож,
Точно ад надвигается Дантов,
Только все ж неизменно хорош
В полночь бой новогодних курантов.
Пусть кругом все идет ходуном!
За столом с новогодним вином
Все мы любим веселую встряску,
Вместо тещиных каверз мы ждем,
Что расскажет нам бабушка сказку.

Памяти друга, доктора Льва П...

*Ты должен сделать добро из зла,
Потому что его больше не из чего сделать.*

Р.П. Уоррен

Уходят, уходят, уходят друзья...

А. Галич

Возвращается ветер на круги своя
От начала строки до последнего слова.
Возвращается день. Но уходят друзья –
Навсегда, безвозвратно. И снова, и снова...
Почему же так долго несли провода
Эту весть, на предельно растянутой линии –
На чужой материк, как письмо из Бастилии,
Лишь два года спустя докатилась беда.
С ним во сне я всегда говорил, как с живым.
От начала строки до последнего слова
Сны мне лгали, и знаю, что лгать будут снова.
Дым Отечества сладок... Отравленный дым.
Лебединая песня. Оборванный вскрик.
Миг – и сломаны крылья. Круги посредине реки...
Торжествуйте, враги.
Только я к этой мысли еще не привык.
Я не верю. Читаю и плачу, и снова –
От начала строки до последнего слова.
Возвращается ветер на круги своя,
Возвращается день...
Я закрою глаза и увижу лицо.
Час прощанья... Усмешка... Пожатье руки...
Если б смерти разжать роковое кольцо –
Мы бы вместе дошли до последней строки.

М. Кагановичу

Я в новый век приду пешком,
Как на свиданье, налегке,
По заблудившейся строке...
Постукивая посошком,
Как путник, потерявший дом.
Дождем, туманом, мокрым снегом
Я в новый век приду...

Потом

Пусть кто-то скажет,
Что я не был.

ЛЕТНИЙ ДЕНЬ В НЬЮ-ЙОРКЕ

В зените солнце. Бьет ключом.
В упор с плеча палит по крышам
Из раскаленного луча.
Всё нипочем ему.

Дышу жарою.

Пересохшим ртом.
Зной обжигает кирпичи –
По Фаренгейту сто с хвостом
В тени – как в доменной печи.
Затравленный бросаю взгляд –
Эмпайр Стэйт Билдинг, как в тумане...
Воды бы выпить – но в кармане
Два дайма горестно звенят.

Льву Друскину

Но есть еще Черная речка...

А. Галич

По ком звонят колокола?..

С Коломны на Пески

Я забреду от Покрова

В трамвайные звонки.

Но в уличном потоке лиц

Лица знакомого не встречу...

Мне память подарила вечер,

Да стерла буквы со страниц.

Ворота. Двор (вход со двора).

Порог. Дверь. Лестница. Ступени...

По ком звонят колокола

Там, где остались наши тени...

"ДОБРОЖЕЛАТЕЛЯМ"

*А мудрость их вся заключается в том,
Что два – это меньше, чем три...*

А. Галич

Что делать – я люблю дарить стихи.
Люблю мечтать. Люблю немного выпить.
Люблю транжирить – не люблю копить.
Фальшивое пожатие руки
Я не люблю,
а все-таки терплю...

Молчу, когда мне надо возразить.
Кричу, когда меня никто не слышит.
Теряюсь, когда жарко в ухо дышат,
Пытаюсь меня в чем-то убедить,
И слухи распускают про меня...
Без них нельзя,
но все же это зря –
Горбатого могила не исправит...
Что делать – надо быть самим собой.
Но я бунтую, когда мною правят,
Как лошадю, оглохшей и слепой.

Ты, родная, нечасто приходишь ко мне –
Наяву не приходишь, а только во сне.
И я счастлива этой нещедрой судьбой,
Хоть немного, обманом, побуду с тобой.
Ты приходишь спокойна, проста, весела,
И во сне я не знаю, что ты умерла.
Мы, как прежде, куда-то стремимся вдвоём,
Мы, как прежде, торопимся, едем, плывем.
И, как прежде, уходят во мглу поезда,
Но во сне я не знаю, зачем и куда.
Все неважно в мельканье ночной суеты,
Только радость одна моя верная – ты.
И наутро, вернувшись из милого сна,
Я вздохну, вспоминая, что снова одна.

*

*   *

Потерям и слезам уже не видно дна,
И песенка моя, как говорится, спета, –
Но вот опять, опять зовет меня весна
Воздушным золотом прохладного рассвета.
И на единый миг мне кажется, что – нет!
Что он не может лгать, безоблачный рассвет
И ранняя в кустах проснувшаяся птица.
И свежая роса – всё это неспроста,
И где-то мудрая сияет красота,
И есть за что страдать, и есть о чем томиться!

Липко пахнет теплый бурьян,
Столько трав в него вплетено!
Мотылек им и сыт и пьян –
Сладко солнечное вино!

Трепет бабочки, гуд шмелей,
Мирный блеск золотистых пчел –
Малый мир, что в жизни своей
И без поисков смысл нашел.

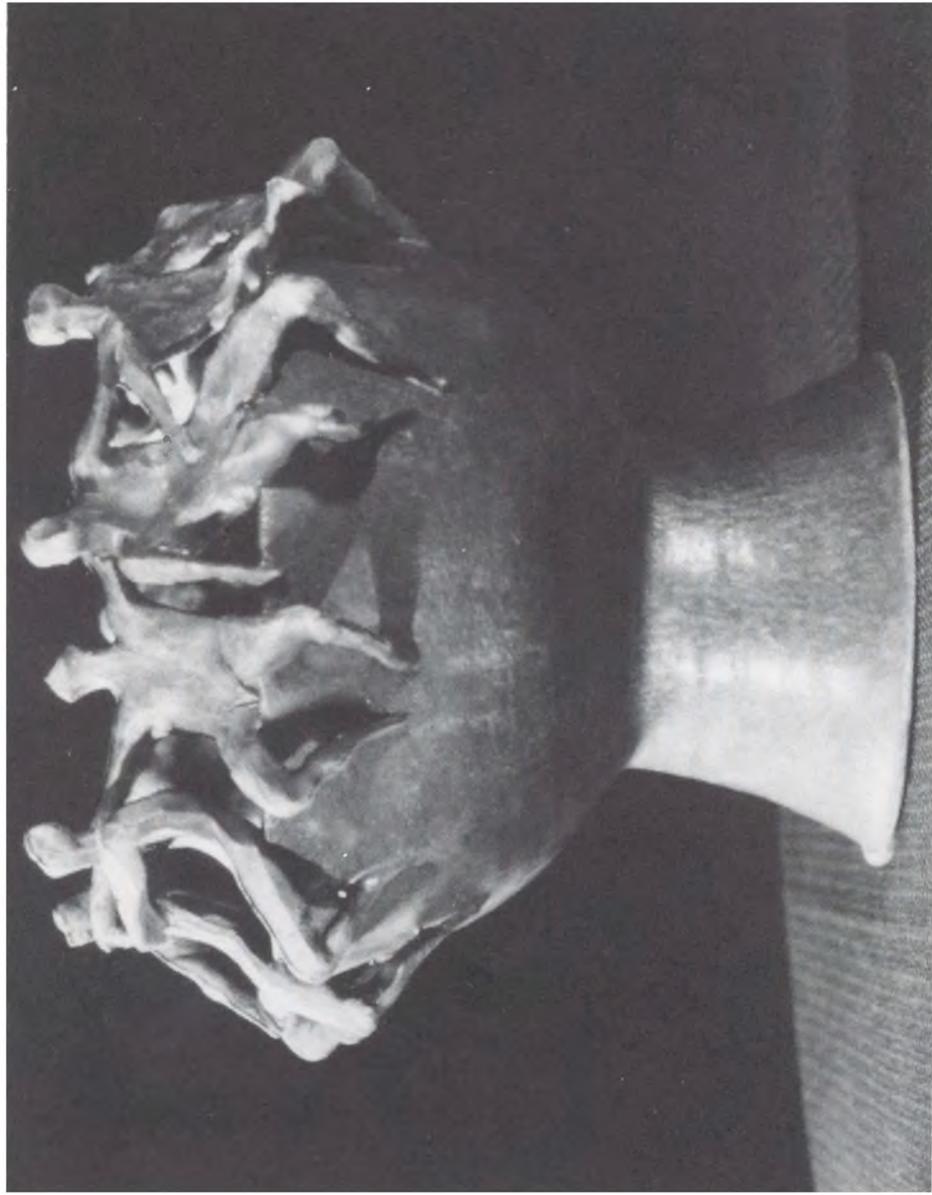
Вот прополз грузноватый жук
И метнулась вкось стрекоза.
Я в высокой траве лежу
И от света щурю глаза.

И приветствую малых сих,
Тех, которым я не нужна,
Но которыми в серый стих
Золотая нить вплетена.

*
*   *   *

Так мягок был декабрь,
Что вишня зацвела,
Что захотелось петь, –
А жизнь почти прошла,

И солнечную вязь
Моих запевших строк
Перечеркнул
Холодный ветерок.

Надежда Карнова

"Ликование жизни"

Чаша. Терракота

Ю Р И Й

Как новый Брем, исследуя жизнь птиц
и смерть птиц – на ветках, в клетках,
он ловит их в локаторы ресниц,
мурлыча на германских диалектах.

Отметив, что Луна клонится к Марсу,
не рвётся в дичь степей
(склоняясь больше к Пушкину, чем к Марксу,
не хочет он терять золотых цепей).

Днём орнитолог, ночью астроном,
порой патологоанатом,
хотя всё прочее при нём,
с молодых ногтей (когтей) он стал кастратом

и этим массу дур оставил в дураках.
И то сказать, на что тому мошонка,
кто держит в собственных руках,
вернее, в лапах, жизнь мышонка.

Он убивает, да, но не для еды,
а лишь в экспериментальных целях,
при том бормоча в усы "Ноль целых
хрен сотых мышки. Ладушки. Лады".

Учёный кот! Кот – доктор. Дока кот.
Он не чета кровавым мордам.
Его интересуется переход
из жизни в смерть, грань меж живым и мёртвым.

Вот он приходит на исходе дня,
роняет: "Ужинать!", садится у огня,
я перед ним мелькаю мелким бесом.
Он, не мигая, смотрит на меня
с профессиональным интересом.

Будь, где хочешь – твой праведен путь,
 Трогай ветки на белом стволе.
 Будь с кем хочешь на этой земле,
 Только милый, меня не забудь.
 Цветом яблони – (сон согреть)
 Мне любовь упала на грудь.
 Веселись – это мне горевать,
 Веселись, и меня не забудь.
 Будет время еще собирать
 Все плоды и угадывать суть.
 Ты – живи. Это мне умирать,
 Ты живи, и меня не забудь.

*

*   *

Хочу остаться и прощаюсь,
 Будь проклят тот последний час.
 Я плачу по тебе, печалюсь,
 Два моря разделяют нас.

Еще легко касаюсь вены
 Губами на твоей руке,
 Еще не знаю, как мгновенно
 Пронзает боль.

И вдалеке

Уже не тронуть, не коснуться
 Там только отсвет наших тел.
 Как будто голубь улетел
 С письмом.

И не успел вернуться.

*

*   *

Три шага в сторону, а там
 Зеленым озером просвечен,
 Струится воздух по плечам,
 И свежесть обтекает плечи.

Моё русалочье житьё
 Могло бы быть теплей и слаше,
 Но счастье не приходит чаще,
 Но солнца блик в соседней чаше,
 Чего же спрашивать еще?

Откуда мы? Из той неволи,
Из ледяной долготы,
Где все от чувства, все от боли,
И ничего от суеты.

Оттуда, где земля горела,
Где стынут в сумерках столбы,
И где страна на нас смотрела
Глазами страшными судьбы.

*

*

*

Черные поезда смерти,
движущиеся коробки уничтожения,
чьи-то глаза смотрят на меня сквозь решетки,
глаза, похожие на мои,
глаза, которых уже нет.
Но они словно спрашивают меня:
"Ты осталась жива?
Что ты сделаешь со своей жизнью?"
Я отвечаю: "Вы не забыты,
и потому я все оставила,
и приехала в Израиль.
Может ли это утешить вас?" – спрашиваю я.
И не слышу ответа.

БЕССМЕРТИЕ

Туманный, предпоследний час,
Нас только ветры привечали.
И что останется от нас? –
Сухая горсточка печали.
Смешается тоска с землей,
И растворится в белом гуле.
Застынут в дивном карауле
Крутые сосны надо мной.

ГАМЛЕТ

Не слушайся призрака, Гамлет,
Всех демонов прочь прогони.
Смертельное олово каплет,
Офелия плачет в тени.

Зачем ты так истины хочешь?
Тебя лишь незнание спасет.
Беги привиденья и ночи,
И правды тяжелых высот.

Зачем так тягаться с судьбою?
Ты честен, прекрасен, любим.
Но меч занесешь над собою,
Над всем королевством своим.

ДРУГАЯ ОСЕНЬ

Как прозрачны осенние дни,
Сонной тяжестью полны деревья,
И желтеющих листьев огни,
И печальные птичьи кочевья.

И легла сыроватая мгла
На дома и на горы за ними.
Знать бы, что там с друзьями, родными,
Звук услышать, а может быть имя
Дорогое.

Дойти до угла,
За которым глухая постройка,
Чей-то сад и ограды узор...
А за нею? Не помню... Но только
Что-то дразнит и слух мой, и взор:
Сочетание зелени, тени
Плыли в темени зданья, мосты.

Но какие росли там растенья?
И какие цвели там цветы?

СТИХИ НА СЛУЧАЙ

Если слово и впрямь результат произвола,
Всё равно ведь за каждым скрывается тайна
И не зря соловей начинается с соло,
А из нео— рождается необычайно.

Этим всем управляет естественный случай,
Тот, что служит свободной душой микромира, —
Незначай с ним рифмуется слово могучий
Так же, как с микромиром рифмуется лира.

Архиметко мелькнёт каламбур в разговоре,
И откроются взору законы и страны,
Для которых Колумбу желательно море,
Архимеду с короной достаточно ванны.

АЗБУКА ДЕМОКРАТИИ

Нет пророка в своём отечестве

Господь изрёк:

– Дам русским буквам волю:
Большое плаванье – большому кораблю!
Глаголицу всей мощью оглаголю,
Кириллицу всей правдой окрылю.

Хочу, чтоб эти крестики-крючочки
Людей учили вечно соблюдать
Законы слова, равноправье строчки,
Свободу формы, братскую печать.

Вмещали речь в её многообразье,
Мысль вольную, что почвою жива,
И людям день за днём славянской вязью
Мои напоминали бы слова:

Аз Буквы Ведаю.
Глаголю: Добро Есть!
Жива Земля, Иже Како Люди Мыслит.
Наш Он Покой, Реку, Слово Твёрдое.

Суровой станут вдовьи будни
Серебряным декабрьским днем.
Закаты медленней и скудней
Над робким и родным холмом.
Всё изменилось, всё иначе,
Давно уж старость у дверей,
Другие на плечах задачи
И споры с совестью моей.
Раскаянья живые иглы,
Мысль о ничтожестве своем
Заимодавцами настигли
В довольстве легком и пустом.
Мне прошлое не переделать.
Всё запечатано давно.
Лишь можно плакать у предела
И радоваться, где дано. ..

*

*

*

Судьба стихов неведома поэтам,
Они живут отдельно от творцов.
Не быть им автора портретом
Ни в самом малом, ни в большом.

Приходят к нам из бездны подсознанья,
Противоречат замыслам и снам,
Смеются нашим ожиданиям,
Ведут, куда не надо нам.

Как можно быть своим судьбою
И знать: дано иль не дано?
Нам только суждено судьбою
Глядеть в нездешнее окно.

ПОРТРЕТ

Ты— тишина. Ты – летний вечер
В деревне, за большим столом,
Где бабочки летят на свечи,
Сквозит варенье янтарем.
Где тишь колодезной водою,
Да хлебосольством дом богат,
Где бедность кажется святою
И ей, как избавленью, рад.
И для ушедшей в это лето,
В твой праздник и высокий бред –
Твоим дыханием согрета
Букашка, полевой букет,
В барашках небо, чуть рябое,
Сестра усердная пчела...
По чьей мольбе, какой судьбою
В оазис этот забрела!

Из цикла "Месяцеслов"

ВРЕСЕНЬ

Приходит последняя треть
Дыханьем своим обогреть
Ладони месяцеслова,
И в очи глядится сурово.

И лес зажигает костры,
И поздние листья пестры,
И так ли расскажется слово?
А ты повторяешься снова.

И можно ль иначе, когда
Слои прибавляют года,
И розно видно на распиле.
Но осень начальная в силе.

И месяц такой, что припас
Богатство потом обнаружит.
И тратить, конечно, не в раз,
Да сразу никто и не сдюжит.

И все-таки, други, пора.
И листья пестры, и пера –
На вкус, сколь угодно, любого.
И осень торопит любовно...

Из цикла "Месяцеслов"

ГРУДЕНЬ

Сугроб – пушист. Он вовсе не суров.
И я, метлою снег с пути сметая,
Пойму ль когда, что истина святая
Составлена, конечно, не из слов.

Беда не велика, не на века –
Вращенье снега, и вторженье прозы.
Румяные, как яблоко, морозы,
Ударятся когда-нибудь в бега.

И я пойму, успею и пойму,
Что мне не одному подарен город,
И что зима для песни узкогорла,
И что не всё по слуху моему.

Я ото всех ничем не отделён.
Пойму, что я – единое мгновенье,
Что вечность ниже жизни, миги, звенья,
И мне наука эта – поделом!

ТРАВЕНЬ

Перед травую все равны.
И, застывая изумленно,
Мы смотрим вниз неприземленно,
Следя явление травы.

Трава и первая щедра.
Как лезвия, взрезая почву,
Она проглянет как-то ночью
И зеленью зальёт с утра.

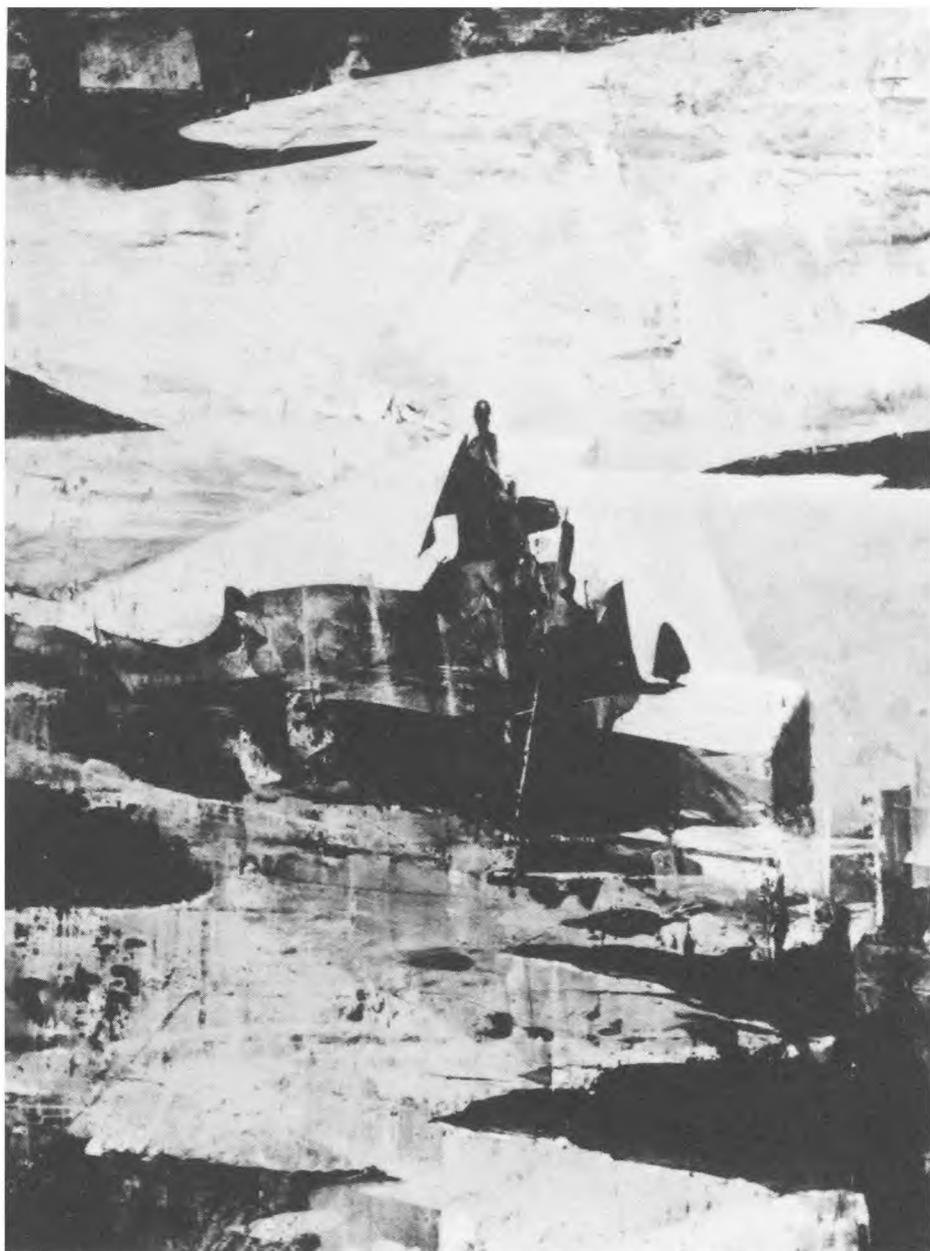
И я, ступая по земле,
По той муравушке шелковой,
Не наклоняюсь за подковой, –
И так хватает счастья мне!

Бык, похитивший Европу,
крепко загрустил:
от Всемирного потопа
он лишился сил.

Выплыл бык на берег Еллады,
опустил рога,
с чувством скуки и досады
пошипал стога.

Ну, к чему связался с девкой
хилой и нагой... —
Смотрит на быка с издевкой
месяц молодой:

Эх, похитил, бедолага,
а теперь — грустишь,
олимпийские все блага
отдал бы за тишь...

Петр Муравьев

"Памятник павшим"

Акрилик

АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ В НЬЮ-ЙОРКЕ

(Шуточная реальность)

Забуты:

Еда.

Служболепие.

Личная жизнь.

И за стенкой

Пустой холодильник:

свидетельство полного быта.

Сейчас

на орбиту

запущен

Андрей Вознесенский,

И мы

под него

подгоняем

все наши

орбиты.

Уносит:

на вилке

крещендо,

запоем

тянущего

в форте,

Сквозь

черную

магию "О"

и газетных анонсов.

По горло

Загонит

в себя

неумная

скорость,

Как-будто

прорвало

аорту

у нашего

Форда.

Как парусно

нам не хватает

"Юноны" с "Авосью"!

Авто-
     графы —
             градом,
                     украденным
                             с неба, —
                                     на полки.

Чернеют
     ряды графоманов,
                     уставшие
                             нить и злословить. .
                                     Потом

Развернется
     в другом
                     измерении
                             эпоха
                                     и вспомнит

О том,
     кто себя —
                     как хирург—
                             перекраивал
                                     в хилтонском лобби.

Зовут:
     Репор-
             теры,
                     регламенты,
                             прочих случайностей
                                     сотни.

От лиц
     и звонков
                     не предвидится
                             вскоре спасенья.
                                     Главу

Обрываем.
     Безудержно
                     цедим
                             томатные соки...

А память —
     свечою —
                     разбудит
                             своих
                                     поселенцев:

Пустой холодильник.
     "Юнона".
                     Андрей Вознесенский.

МОИМ МИЛЫМ ЗЛОПЫХАТЕЛЯМ

Когда по падежам
меня швыряют судьи,
винительным казня
творительного весть,
мне их ущербья жаль,
не изменяя сути:
– Я только то, что я,
простите, есть.

Когда мне приговор
выносит некто карлик,
вещая о моих
виражностях пера,
мне грустно за него,
он без меня наказан.
Пусть Бог его простит
и ниспошлет добра.

Развенчиватель мой,
а что ни говорите –
хула или восторг –
всему – один итог.
За сцену, как в трюмо,
заглядывает зритель,
и слышится вопрос:
– А судьи – кто?

Коли угодно вам,
судите – не судите.
Погаснет в зале свет.
А я взойду в слова...
Послушайте, судья,
и вы, случайный зритель:
– Я – несклоняемое существительное!
Удивительно?

Где ты, мой выходной персонаж?
Вы случайно его не заметили?
Видно, он наслаждался сполна
Человечьей Комедией.

Разошелся вовсю балаган.
Декорацией выползло зарево.
Скачки. Шоу. Запой. Бега.
А себя – разбазарили.

Присуждает: – К барьеру! – толпа.
Непохожесть – статья криминальная.
Вам простят оглушительный спад.
Не простят – гениальности.

Сквозь интрижный конвой – на Парнас!
Это вам не сквозь трубочки медные...
Поштормило тебя, Персонаж
Человечьей Комедии!

ДИАЛЕКТИКА ХАРБИНСКОЙ ВЕСНЫ

Спокойствие –

Близ гиацинтовой реки
Полу на солнце, полу в тени
Читать Мо-ти

А то,
Почти во сне
Лишь на ухо свое
Шептать себе
Стихи Ли-бо
Казалось бы
Забывшие давно,

Но заново
Воскресшие в груди
Близ тихо протекающей
Реки –

И

у жужжащей золотой
Пчелы
Украсть смысл жизни
Лишь движением руки!

Но на свободу
Отпустив пчелу
Познать
(во сне иль наяву?)

Великий Средний Путь
Дорогу

Между тем, что нужно
Божеству
И тем, что у пчелы
Прошу

И так понять
Стихи Ли-бо
Как будто бы
Забывшие давно

Но вот опять
Воскресшие в груди

Весной
При сонной
Сун-гари.

MAL DE TERRE

Триремы, парусные корабли,
Ладьи морские, пароходы
Обречены

(сегодня, как вчера)

Страдать землей,
Любить издалека
И через семь морей
К ней мчаться

Но, в близости —
Искав, найдя

Слегка лишь только прикасаться...

А прикоснувшись,
В путь опять
Бежать, искать
Любви виденье

Не находить
Опять
Лишь мимоходное,
Слегка,

прикосновенье...

ПЛАЧ ПО ЗВЕРЮ

Ночь наступает рано.
Но, может быть, еще быть
запахам дня...
Где-то несётся ветер
и лай по травам,
юный ветер и лай
по весенним травам,
не защищающим жизнь.

Ты уходишь туда,
где воздух непонятого
звука и запаха, —
будто спрятанный день.
Ты уходишь к другому огню —
туда, где нет моего голоса,
туда, где нет человека
и нету зверя,
а есть тишина,
в которую ты веришь,
вечная тишина,
в которую веришь.
Ты убегаешь туда.
Я закрываю глаза,
боясь высоты твоего бега.

Огромный земной хлеб
моей нежности,
кормивший тебя на земле
горит.
И пепел стелется по травам.
Ты там, где меня нет.
И дом засыпает один,
смутно помня
запах бега, травы, и листьев,
запах земли, и солнца, и тени,
запах времен года,
и запах твоего имени.
Я называю его.
Но ты не слышишь меня.

А М А Д Е У С

А может быть, он был таким –
хихикающим пошленьким мальчишкой.

И этот длинный фильм
не лжёт. Есть письма, книжки,

свидетельства, молва. И суждено
характер разобрать на части
и бросить на подмости и в кино...
Какое глупое и дерзкое несчастье –

себя изобразить – свой ум и дух,
свои проказы и страстишки.

А гений будто бы потух
над этим залом, в этой книжке.

Не золото, а медное кольцо.

И бриллиант в него вправлять не станут.

И грим течёт по грандиозному экрану.

И трудно от него отмыть лицо.

КОГДА МАЛО ВРЕМЕНИ

Так сквозь время, которого мало –
творю. И бормочет юноша,
несвязно бормочет. И покрывало
носить ему. Тяжела эта ноша.
Так сквозь время – в укор ему,
наперекор ему
творю. А времени мало.
Капля по капле. Напоены и накормлены
Люди мои и звери
мои. В себя открываю я двери –
неистово открываю я
двери души, и дворца, и сарая,
клетки и клетки я открываю –
люди и звери, и птицы
летят на большие страницы
духа, души и тела
моего. Верная единая троица –
ею стихи мои строятся,
строятся мысли, и замки, и башни,
ею овеян мой день вчерашний,
превратившийся в миг.
Вместо юноши в доме старик
с головой и улыбкой ребёнка.
Но поёт неистово звонко
на губах и бумаге слово –
знаю я силу этого зова,
человеко-звериное знаю начало
стиха, – когда времени мало.

26 АПРЕЛЯ 1986

Посвети фонарём, станционный смотритель.
 Не видать ни пути, ни руки, ни строки.
 Что здесь писать? Говоритель
 громко кричит мне с далёкой реки,

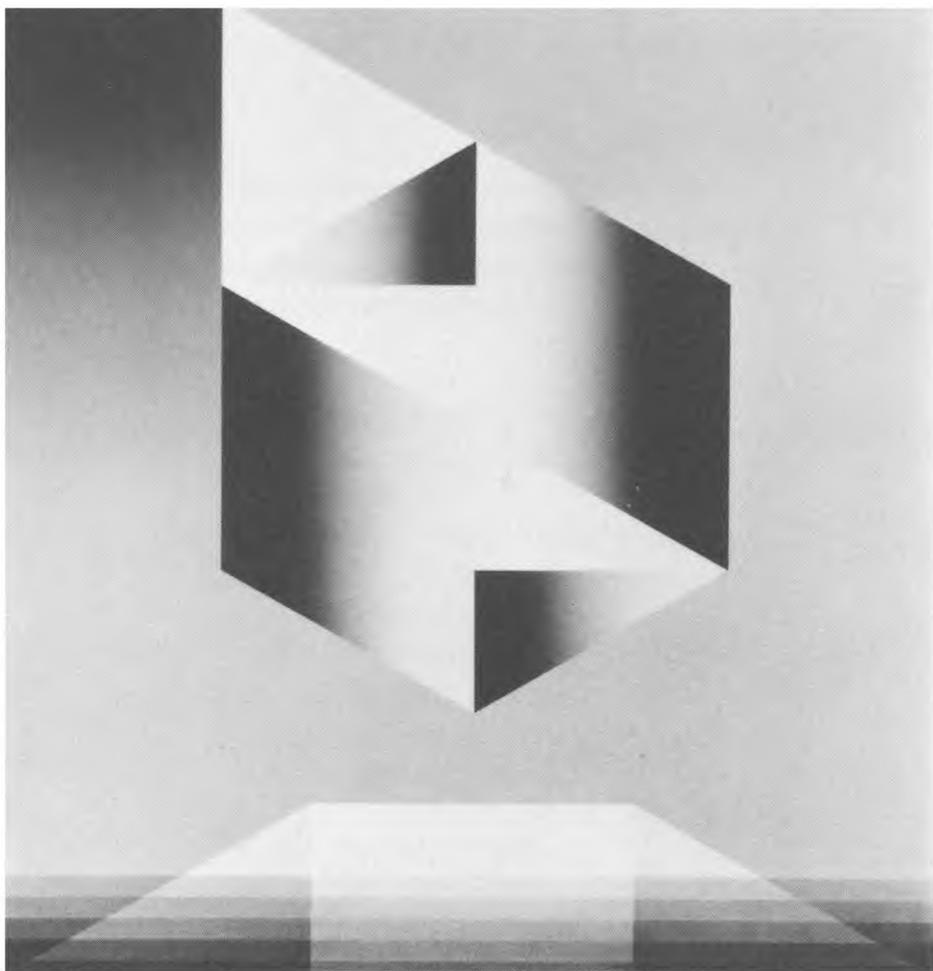
у которой вдруг рухнуло русло.
 Станционный смотритель, смотри.
 Посвети фонарём. Над землёй твоей русской
 небеса потемнели. Но ты не умри.

Прокляни все адовы эти иглушки.
 Станционный смотритель, теряю я нить.
 Тебя ведь бессмертный выдумал Пушкин –
 как же могут они тебя погубить?

Посвети фонарём и в мою за границу.
 Я стою – куда стоишь.
 Полумрак. Полустанок. И эта страница.
 Остальное всё у меня – *nouveau riche*.
 Помоги, станционный смотритель!

* * *

Так пишут умно и красиво
 о том, что нет России, где Россия,
 а есть... Толкуют мне –
 в который раз – о стороне,
 где родилась я, выросла и пела,
 где я теряла и терпела,
 где умирала и рождалась вновь,
 где в каждом дереве
 моя текла ведь кровь,
 а лес рубили,
 и жаркие кусты рябины
 слезами терпкими цвели
 в том крае неба и земли,
 который я зову Россией.

Михаил Лазухин

"Предзнаменование"

Акварель

СПЕШИ

1.

Текучая вода всевластна тишиной.
На берегу реки не слышен довод,
и разум — робот, а не овод —
сливается с волной.

Но жалит
на гвоздях имён
натянутая до высокой ноты
нить времён:
"Лишь тот достоин жизни и свободы,.."

Тут Меф подумал:
"Надо быть достойным!?"
Ну, значит, нет ни права жить,
ни прочих прав в устройстве мироздания.
Пора бы эту нить..."

И нет природных прав.
Вы помните, что строили лемуры?
Плотину счастья и труда?

Текучая вода — основа сострадания,
разум — робот...

2.

Взмах крыла летучей мыши,
пьяная полынь.
Раздвои же, раздвои же
медленную синь.

На сухую твердь и воду
небо разними,
сосчитай все эти годы,
месяцы и дни.

На конец и на начало
раздели поток
и в молитве запоздалой
поминанья срок.

Я и вижу и не вижу
неотвязный лик.
Раздвои же, раздвои же,
раздвои язык.

3.

Эта роза ничья. Поминальная нить паутины —
луч, закованный в капле свинцовой росы.
В чреве слова покоится глыба формовочной глины,
а взрывное устройство дыханья — часы.

Раскалённая роза, цикада, пылающий алеф,
обождённого голоса спелый исток,
на бесцветных скрижалях бессонных подвалов
восемнадцатый тлеет твой лепесток.

Пригубить, приголубить, вдохнуть и забыться, —
слепая зеница вливает в расплавленный слух
на зрячих страницах чудовищной огненной птицы
крылатый пергаментный клёкот Рух...

...шевелнётся глиняное тело,
когда в него незримый серафим
вдохнёт голосовое *‘идацфела’*
древообразным именем своим.

1985

ИЗ ПАМЯТИ

Ушла я из отчего дома девчонкой
В чужие дожди и в чужой листопад.
Но в детство, где куклы, где мой медвежонок,
И ныне охотно,
Уснув беззаботно,
Порой убегаю назад.

И прошлое снится: родимый мой город,
Наполненный солнечным блеском окон.
Мой город, как ровным искристым пробором,
Рекой голубой пополам разделен.
И кажется, время навеки застыло.
Когда это было?..
И как это было?..

Мороженщик бойко задорных детишек
Выуживал криком из дальних углов,
Как резвых мальков;
Наш дом с воробьиным семейством под крышей,
Отец... Материнская ласка...
Зимой шепоток угольков
И Пушкина сказка...

Но утро отнимет любимую книжку,
Погасит внезапно слова...
Я шарю рукой... Где мой плюшевый мишка?
... Подушка пустая,
На ней – лишь моя голова,
Почти что седая...
Светает...

МАРТ

Здравствуй нежный и возлюбленный округ,
где целуется с тропею тропа.

В юбках плисовых холмов пляшет Окланд,
подпоясанный рекой Ранапа.

Для наследников, для избранных самых.
(всяк по-своему толкуй эту связь)
ветер бросил тут разрушенный замок,
и кто хочет,
кто пришел – тот и князь.

Мягколапый и напористый ветер
перепрыгивал ландшафт через рвы,
весь игривый
в снежных пятнах, как сеттер,
весь из клочьев черно-желтой листвы.

А на озере-то пепельно-матов
таял лед и притворялся, что спит.

И в разводьях, зажигаемый мартом,
голубел уже струящийся спирт.

Ты невольно отразишь в долгом взгляде
всю природу, как потомственный сын,
ради выстраданной песни и ради
одиначества,
где ты не один.

И на дереве, поваленном бурей,
загрустившая душа отдохнет,
чтоб по скалам, по зеленым, по бурым –
с новой верой. С новой силой.
Навзлет!

ВРЕМЕНА ГОДА В НЬЮ-ЙОРКЕ

1.

Взвейся, весна, и, кленовая, вклинься
клекотом клевым над зеленью Квинса.

2.

Пусть заиграют над пляжами Бронкса
мускулы лета, загарная бронза.

3.

Пусть будет грустная осень окуплена
добрыми тембрами братского Бруклина.

4.

Пусть словно пудель, любимцем мохнатым,
к нам прижимается снежный Манхаттэн.

ЖОВТЕНЬ, NOVEMBER, ДЕКАБРЬ

Опали неназванные крики
и боль обозначилась сильнее
и облако лунное из крынки
пролило молочную сирень.

Металось сиреневое в желтом
озерами падая – наверх,
чтоб листья, написанные Жовтнем
со временем вычеркнул November.

А всё, что томилось в подождинах,
мы в гранки речные доберем
плакучими буквами дождинок
для книги, убитой Декабрем.

ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

Вчера – не пыльно и не жарко,
Но лето жмёт на всех парях:
Дворы, газоны, скверы, парки
Раззеленелись в пух и прах.

К чему такая прыть? Удачно,
Наверно, то, что чуть, едва...
В высокомерье однозначном
Померкнет тучная листва.

Природа, полная довольства,
На время наглухо запрёт
Своё живительное свойство –
Всё вывернуть наоборот.

И я, её живая клетка,
В ряду других её частиц,
Томлюсь и бьюсь под пыльной сеткой
Средь множества помятых лиц.

Ни беспокойства, ни боязни,
Шаги уверенно тяжки,
И только скука в сердце вязнет,
Как в тёплом варе – каблуки.

*

* * *

Как лето, сон, и я листаю сонник –
Вот эту запылённую тетрадь,
И на листок, как пух на подоконник,
Моё дыханье лепетом опять.

И этот сон, и это лето – что мне?
Дворовый пух безродных тополей.
Из бывшего и нынешнего помню
Лишь липы пастернаковских аллей.

С какого года и с какого входа
Вошла, чтоб скрыться у чужих дверей,
В приглашенном, как лица пешеходов,
Землистом свете мятых фонарей?

Неведомое собственным словам
 Я, может быть, постигну понемногу,
 Как подойду к знакомому порогу,
 Обрадуюсь печурке и дровам,

Дымку, грибам, своим воспоминаньям
 И комнате, где буду не одна,
 И вашим озабоченным вниманьем
 Я буду так приятно стеснена,

И пёс вильнёт смеющимся хвостом,
 Как будто бы причастный к заговору,
 И сядет кот к четвёртому прибору,
 И я от чая буду под хмельком,

И разгляжу, очистившись от вздора,
 Невидимое собственному взору.

*
 *   *

Не кори притворством
 И не помни зла:
 Пусть была я чёрствой,
 Сытой не была.

Хлеб тяжёлый ела,
 Каменный ломоть,
 И, как он, твердела —
 Знал про то Господь.

А потом я помню
 Странный свой недуг:
 Стало так светло мне,
 Так смешно мне вдруг!

И среди мороза,
 Посреди двора —
 Синие стрекозы,
 Синяя жара.

Коркою сыта я,
 От воды пьяна,
 Воздух ли глотаю —
 Зеленой вина!

Чудно ли, чудно ли
 На земле сейчас —
 Каждый колос в поле
 Знает лучше нас.

Ростислав Сазонов

"Пыжик"

Темпера

ОБРАЩЕНИЕ ВОЛКА К ФРАНЦИСКУ

Жоржу Нива

Брат мой Франциск,
Зачем ты привел меня в город?
Помирил с людьми, одарил подстилкой?
Что доказал ты, чего добился?
Что изменил, от чего избавил?

Люди не стали ни искренней, ни добрее.
Те же вокруг обман, лицемерие и коварство.
Два смешных исключения из закона природы,
Грустное зрелище мы с тобой представляем.

Если крепко веришь,
Тебя волк не тронет.
Если крепко веришь —
Болезнь не тронет.
Если крепко веришь —
Печаль не тронет.
Если крепко веришь —
Земля не тронет.

Брат мой Франциск,
Ты лишил меня вольной жизни.
Нет у меня ни логова, ни чад, ни подруги.
Что ж, удалось изменить тебе волчью натуру?
Что ж, удалось изменить тебе волчьих повадки?

Брат мой Франциск,
Зачем ты привел меня в город?
Люди гладят меня,
Предлагают кусочки мяса.
Теперь не я, а они режут овец и баранов,
Только баранам не всё ли равно, кто их режет?

Брат мой Франциск,
Ты лишил меня вольной жизни.
Пусть меня кормят и палками не колотят,
Так ли относятся люди к моим братьям?
Так ли относятся люди к своим братьям?
Что расскажу им о жизни в неволе?

Если крепко веришь,
Тебя волк не тронет.
Если крепко веришь –
Болезнь не тронет.
Если крепко веришь –
Печаль не тронет.
Если крепко веришь –
Земля не тронет.

Брат мой Франциск,
Зачем ты привел меня в город?
Брат мой Франциск,
Зачем ты лишил меня воли?
Брат мой Франциск,
Я не стану вегетарианцем,
Даже если подам тебе
Правую лапу,
Даже если проникнусь
Заповедями Иисуса,
Даже если заговорю
Белыми стихами.

В СЕН-РЕМИ

За решеткой окна расцвели сумасшедшие маки,
В желтом небе над синей горой сумасшедшее солнце висит.
Вдалеке, желтый луг оцепив, сумасшедше петляет дорога,
Сумасшедшее дерево режет стволом горизонт.

Из другого окна конус черного кипариса
Вырастает как рок, а за роком — дощатый забор.
Между роком и глазом кривое сознание пляшет —
Фиолетовым деревом тычется в угол холста.

Разноцветные черви по ветру летят, словно листья.
Разноцветные черви в оконное небо стучат,
Сумасшедший Ван-Гог пишет парк сумасшедшего дома.
Сумасшедшее ухо гниет в сумасшедшей земле.

ФИЛОМЕЛА

Филомела раз в год прилетает в дом,
Где лишилась невинности и языка.
Можжевельник, разросшись, закрыл окно,
Из которого смотрела на красный закат.

Серым снегом покрыты мебель и зеркала,
Истлевают платья, брошенные впопыхах,
Вот и нитки, которыми шила слова,
Погубившие всех, но оставшиеся в веках.

Мечь, награда твоя ужасна и не по плечу
Хрупкой женщине с ласточкиным хвостом.
Ни царица, ни птица, и куда полечу,
Брошу память как перышко за каким мостом?

ГОТИКА

Так тени движутся, так оплывают зори,
Так дремлет музыка, так плавится свеча,
Так длятся статуи в готическом соборе
В косо́й стреле вечернего луча.
В ритмический узор, нетронутый веками,
Блаженно строятся скульптурные ряды.
Так вечность светится на побледневшем камне
В прохладной лужице святой воды.

ИЗ БЛОКНОТА

В барочных завитках архитектуры,
В дыхании лесистого хребта
Стихийная поэзия бунтует,
Довременная бродит красота.
Румяные вершины снежной стужи –
Далёкий их рисунок – завершён.
В них всё дано. Ты им совсем не нужен
С твоим затупленным карандашом.

ПРЕДВКУШЕНИЕ ВЕСНЫ

Нью-Йорк сейчас к Европе ближе,
Чем за пятнадцать прошлых зим –
Бульвары помнят о Париже
И арки вспоминают Рим.
И Мюнхен помнят светофоры
И подпирая облака
Исходят готикой соборы,
Как бы приветствуя века.
В деревьях жмурятся закаты
Румянцем, влитым в янтари
И по асфальтам лиловатым
Смеясь, проходят фонари.
Пролётка из другой эпохи
Консервативна, как весна –
Пускай. И этот смуглый кофе
Легко обходится без сна.
Зато он ценит яркость красок
И не споткнётся о звезду,
И ждёт у театральной кассы
И роль читает находу.

ФОНАРЬ

Я – одинокий фонарь на вокзальных задворках,
Дожди меня донимают, меня овевают вьюги,
Стекла мои истерты угольной пылью горькой,
А мимо идут составы, от масляных шпал отругиваясь.
Я старый скептик, я знаю – зимние ночи – бесцельны,
Серы задворки утром, вечером камень дик.
Я – фонарь привокзальный, поставлен – стою, где велено,
Мне и пойти-то некуда, да я и к месту привык.

В ПОЕЗДКЕ

Изменчивые кадры киноплёнок,
Цветное эхо солнечных минут,
Десятой музы робкая влюбленность
И счастья нестареющий уют.
Едва румянцем озарятся кадры,
Взглянув вослед оставленным местам,
Как нам блеснет высокая мансарда
И пансион на улице Сант Анн,
Иль Сант Катрин. Я адрес перепутал,
Но переулков острые углы
Бегут к реке. И лестницы так круты,
Как будто впрямь до дерзости смелы.
Бледнеет день в прозрачной полумгле,
А мы, поймав его на кодахроме,
До ночи засидимся у Рабле
И лишний час проездим на пароме.

Встречать ли рассвет в бессонной и сиплой и синей столице?
Иль небо светлеет только когда мы заснем?
Город процессом светления слишком гордится
И сеет свет скупю, как сеется рожь в чернозем.

Как сеется рожь в чернозем, так в плоть облекается слово.
Так медленно мятою розой вдруг набухает сон.
Так ненароком и все ж обязательно кто-то находит подкову,
Так тень одноногого нищего пустит по миру звон.

Вставай же, столица! – как щеки твои косолапы,
Ты мне простишь комплимент, но затылок твой залит свинцом.
Видно, пока ты цедила рассвет и, медля, тушила лампы,
Кто-то властный сам сделал выбор – ты или сон; сон.

*
*   *
*

Осыпался вечер хандрою плакучей.
В вечном пари с мирозданьем "Кто лучше?"
Гонится память за мною. А я –
В ламповом круге чужды бытия.
В мотовском крике мартовской кошки
Ночи тасую; блажу понемножку.
В майском предплечии лета судьбы
Прячусь под мышку своей дремоты.
Год неспроста так тасует сезоны:
Не надыхаться лазейкой в озоне.
Все дорожают на счастье жетоны:
Медные темы моей нищеты.

Погляди, они возвращаются,
Косолапою рысью, с гор.
Нет, не кони: ни лязга шпор,
ни изогнутой луны во лбу.
Хотя звезды им в ноги катятся,
как катились они их пращуру, золотому солнцу.
О, выше – вон! Выше! Держи! Ату!
Шепотанья снегов, испуганных гончими,
разъезжающиеся прутья воздуха.
Это они: волки!
Это они, которых боится луна,
а теперь их догоняет тьма
и мой голос хриплый и тонкий.
И сама хрипая богиня воздуха
их прячет в свою утробу.
Погляди: о нет, не синий снег, – это тьма,
нежные руки расплетшая тьма,
добрая.

Видишь ли, видишь ли языки древних
Как пламени красные лица
Они вздымаются к небу
Погонею за сыном солнца –
Оно и в зрачке наяды
Плясало, как рыжий бог.

Видишь ли, видишь ли эти руки,
Как прутья иссохших эпох,
Они желают скрутиться
В колесо, что прочнее времени,
Нержавее дня колесо солнца.

Видишь, видишь: все искры – к небу,
И в каждой – по лику солнца,
Переплавясь в которое, предки,
Их руки, как лепестки,
Как лепестки колеса солнца,
Предки падут на землю,
А на ней уже живём мы.

Сергей Голлербах

"Старик и женщина"

Тушь, перо, отмычка

М а р и

Гори, камин, гори
До утренней зари,
Со мной поговори
На языке сосновом.
Присядь ко мне, жена,
Налей, жена, вина
И выпьем за Россию
Вместе снова.

Высоцкий нам поет
И боль его плывет
Над Средиземноморьем
Столь счастливым...
Звени в ночи, струна,
Налей, жена, вина
И карты разложи
Неторопливо.

Гори, камин, гори
До утренней зари,
Ты душу мне сегодня
Согреваешь.
Присядь ко мне, жена,
Налей, жена, вина,
Как хорошо
Меня ты понимаешь.

7 апреля 1985

Дождь – не дождь, он как будто плетется с небес,
Поезд наш неохотно, как дождик, плетется.
Утомленность, угарность, усталость окрест,
А за темными тучами – мертвое солнце.
Полуспит, полубдит, полудумает люд –
Молодые строители старой Европы.
Им узнать бы про наши российские тропы,
Несмышленьшам этим, про наши окопы...
Сколько раз уж пытался – никак не поймут.
Обезволенность душ, и сердец, и ума –
Лишь бы выжить теперь, и пожить, и плодиться.
Пусть для русских сума, пусть для русских тюрьма..
Но и к ним наша красная прелесть стучится.
Затыкаются уши! Душевный комфорт
Сохранить бы и только... А все, что не надо
С европейской улыбкой швыряют за борт
Эти милосемейные умокастраты.
А наш поезд, как будто бы пьяный мужик,
Неохотно плетется, качаясь и маясь.
Мне давно прикусить бы свой русский язык,
Виноват, Франсуа, за несдержанность каюсь.

13 апреля 1985

ДОЖДЬ В ДЕНЬ СМЕРТИ ХРИСТА

На пятый день дождина зарядила
Во имя убиенного Христа.
Зажгли камин. Вино, по счастью, было.
И длился вечер чуть не до утра.

А ветер с моря бил набатом в окна,
Ревел, как вихрь, безумствовал, как бес,
И тучи, словно мулы, непокорно
Ползли по скалам и спускались в лес.

И было слышно, как стонали сосны,
И чаек крик пронзал как будто боль...
А дождь неугомонный и несносный
Всё шел и шел на остров Поркороль.

5 апреля 1985

Опять явилась ностальгия –
Крыла просторны и черны.
Мне снова слышится Россия,
И вновь в мои приходят сны

Преображенка и бульвары,
Теченье матушки-Оки,
Бревенчатые тротуары,
В усах иссиних – казаки.

А кошки серые, как полночь,
В душе скребутся неспроста...
А ностальгия шепчет: "Помнишь
Про те края и те места?"

И крылья темные как сажа,
Смыкает плотно надо мной.
И дом кряхтит одноэтажный
И даже плачет, как живой.

9 августа 1985

Д Е Н Ь

Наверно случайно
Тот день простудился, проснулся,
А к вечеру тихо угас...
Ты сердишься...
Ты случайно бы мне улыбнулся
На миг иль на час.
Дороже что есть и светлее улыбки твоей,
Так хочется друга,
Довольно уже мне судьей.

О, ЕСЛИ Б

О, если б была только я помоложе,
Купила б себе очень толстую кожу,
Купила б себе перепонки на уши,
Купила бы самую жесткую душу,
Которой бы было бы всё нипочём,
Что будет с друзьями,
Что будет с мячом.
И выставив свой отражающий меч,
Валились бы головы варваров с плеч.
Но лень в магазин подниматься идти,
И лень поворачивать в двери ключи,
И жаль расставаться со старой душой,
Что с шкуркой срослась и свыклась со мной.
По коже зигзагами мелкая дрожь,
Над сердцем завис то ль удар то ли нож,
А профиль плывущий так близок, похож,
И страшно услышать последнюю ложь.

ЕДИНЕНИЕ

Тает небо
И облако с нежностью тает,
И волшебная нить прямо с неба свисает,
Зацепившись концом за ладонь.
Ни огонь, ни волжба,
А какое-то чувство другое,
Неземное,
В своем измерении пятом,
Вдруг спустилось
В сомнениях темы распятой,
Но его-то уж лучше не тронь.
Тает небо и облако пышно клубится,
Мигу не возвратиться,
Мехами глотает гармонь
Этот воздух
И хочется в нем раствориться,
Но, чтоб это случилось,
Шагать надо прямо в огонь.

ВЕЧЕР

Как будто бы всегда
Здесь жизнь парит, паря,
Как будто бы здесь лес
Улыбкою сверкает,
Над золотом полян
Тут ветер застывает
В блаженной тишине,
Не разрушая храм.
И солнечно высок
Прозрачный небрсклон,
Цепочкой лебедей
Уходит вечер в горы,
Дорога семенит
Безволием и волей
Уносит этот день
Туда – за горизонт.

НЕКРАСИВАЯ ДЕВОЧКА

Некрасивая девочка спит —
 Крепко губы поджала,
 Ей товарищи снятся
 И щедрой улыбки тепло
 Согревает её,
 И приветливо нынче добро,
 И не хочется вовсе из сна выбираться.
 Не угнаться за всеми
 И в детской игре разбудить
 Женской гордости пламя,
 Привыкая к дождю,
 И не смея себя защитить,
 Здесь,
 Под градом дразнилок стояла.
 А жестокость детей,
 Ей казалось, могла задушить,
 И в обиде купаясь,
 В детской боли своей
 Непонятно и как разбираясь,
 Повторяла: "За что?", "Почему?" и "Зачем?"

ЛЮДИ И ПТИЦЫ

Птицы теряют перья,
 Люди теряют мысли,
 Птицы находят дали,
 Люди находят дело.
 Мы жить опоздали
 Или может быть раньше пришли,
 И звёздами стали,
 Потому что устали
 Гореть и жить.

НА СМЕРТЬ ПОЭТА

Тихий шепот вина.
Мелодия нежно скользила,
будто гибкое тело гитары.
Белым мелом
на теплой бронзе
нарисовал:
надежду в глазах,
грустную линию лба,
больную улыбку поэта.
И ночь мгновенно исчезла.
Остался лишь профиль лица
на неверном песке рассвета.

ПРИЗНАНИЕ ПОД МОЛОДОЙ ЛУНОЙ

Ночь на землю легла
нежной женщиной.
Белой грудью поила луна
звездное небо.
Так просто сойти с ума
от полного притяжения.
"Жди" – шепчет мне
молодая луна,
исчезая
в чистом рассвете.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Ухожу от родной стороны
так страшно медленно, грешно.
Она же возвращается ко мне
все ближе
весенним каштановым деревом,
в родниковой стране,
от корней до гнездовий птиц.
В огромном небе – заливом,
в чистом поле – мыслями,
в тополиной аллее – пухом.
Окольцован годами тревоги,
меткой прошлого,
чтоб не забыть:
шатер ветвей со свечами –
теплым вечером
для молитвы оставив одну...
Память – странница,
возвращение хлорофильное.

"НА БЕРЕГАХ НЕВЫ"

Ирине Одоевцевой

*На берегах Невы
Несется ветер, разрушенья веля...
Г. Иванов*

*Ты улыбнулась. Ты не поняла,
Что будет с нами. Что нас ждет.
Черемуха в твоих руках цвела...
Г. Иванов*

Гумилев. Ахматова. Блок.
Цех поэтов. Долгие споры.
Легкомысленно время сотрет
Год начала надежд и раззора.
Над Россией – ветры и рок.
Шел голодный двадцатый год.

Там на каторгах гибли. Но так
Рты сводило стихами. Страх:
Не успеешь, не скажешь о том,
Что в отопленных стужей домах,
Билось сердце с Россией в такт.
Книга памяти. Первый том.

Как напишешь? Как скажешь о том?
Легкомысленно время сотрет
Мановеньем волшебной палочки
Петербургский голодный год.
Летний сад. Литераторов Дом.
И в руках – неживые фиалочки.

Из цикла "ВОСПОМИНАНИЯ"

1.

*И уводит девический след
Башмачков остроносых назад
Сквозь сегодняшне-завтрашний ад,
Прямо в молодость. В Летний сад.*

И. Одоевцева

В широких складках
походка узкая.
Согнувши плечи
под пестрой блузкою,
иду навязчиво,
иду на встречу.
А в тучах черных
запрятан вечер.
И дождь осенний
готов пролиться.
"Ну, здравствуй, – скажет –,
пришлось нам свидеться."
И вздрогнут плечи
под яркой блузкою,
и протяну ладонь
я узкую,
ладонь холодную,
совсем чужую.
И прошепчу в ответ:
"Я так тоскую
по тем местам,
где тени прошлого,
где Летний сад
покрыт порошею,
где было детство,
и снова юность
опять со мной
сюда вернулась."
А рядом кто-то

затянет речи.
Я зябко кину
платок на плечи.
"Ну, как живешь?" –
спрошу.
В ответ – молчание.
Что это? Сон?
Воспоминание.

2.

Мундштук. Сигарета.
Я в локонах дыма.
Так будет. Так было.
Теплом я согрета
и ласкою света.
Мундштук. Сигарета.
Ах, если б так было!
Я в облаке дыма.
Сиреневый пепел.
Сиреневый вечер.
За окнами стонет
от холода ветер.
Я в локонах дыма
в сиреновом свете.
И кто-то подносит
огонь к сигарете.
Я помню, так было...

3.

Захлестнуло. Заполонило.
Это было со мною. Было.
Свет в окне – свет в моем окне.
Солнце плавится на стекле.
И теплеет мое плечо,
и щекам моим горячо.
Дом, крыльцо. За крыльцом – ограда.
Больше мне ничего не надо.
Захлестнуло. Заполонило.
И прошло, словно детство, –
мимо...

4.

Недели проходят и месяцы,
а мне от тебя ни весточки.
Слышишь, за окнами мечутся
ветром гонимые веточки.
А мне от тебя ни слова,
ни жеста, и ни улыбки.
Лето проходит. И снова
по зимнему льду я зыбко
скольжу до весны и лета.
Считаю недели и месяцы.
Пишу у окна без света.
Как ожиданье невесело!
И осень – горького цвета...

Владимир Одинокоев

"Панк"

Акрилик

НА БАРЖЕ

Мы шли
Вдоль портовых причалов,
Я на воду долго глядел.
Там стаи
Стремительных чаек
Пытали рыбацкий удел.

Был день
Серебристый осенний.
Возможно, был день золотой
Агонии
Чутких растений,
И воздух – недвижно живой.

Проплыли
И берег и осень
И тленная кленов краса
И зелень
(Внезапная) сосен
И трав потаенных роса.

Как скоро
Теряли свой жаркий
Дороги свой яркий наряд.
И мысли,
Усталые чайки,
Без цели над тленом парят.

ПУТЕМ ВСЕЛЕННОЙ

Уже зеленое окно –
Конец заката,
И наяву, но как в кино
Вдали Манхаттан.
И только верхнее стекло
Чуть розовеет,
И время к ночи потекло
Еще резвее.

А прежде, чем прилив ночной
Все краски слижет,
Истаешь с алою чертой,
Спускаясь ниже.

Через прозрачное стекло
Коснись смиренно –
Твое дыханье потекло
Путем вселенной.

ОРЕХОВО

И мысли в тишине прозрачной
(как серебристая плотва —
юрки и безмятежно зрячи)
и сорная своя ботва
забот и бестолочи быта —
утешно ныне позабыто.

И как природы званый гость,
как именины их справляю:
хваляю рябины горькой гроздь
и крепость чабера вдыхаю,
любуюсь вереском высоким
и дятлом в хвое — краснобоким.

И быстрый утренний покой,
осенний голубой и ломкий,
как хруст под чуткою ногой,
а слух без вслушиванья тонкий
как будто дышит, дышит весь
на тайны радостную весть.

В ЦАРСКОСЕЛЬСКОМ ПАРКЕ

Ноябрь не успел подморозить
ни луж, ни прудов меж аллей.
Из дня утомительной прозы
вступаю в вечернюю лень.

Расторгнуто века железо
в виду романтических ниш.
И синтез вослед антитезам —
вечерняя синька и тишь.

Далекого века фрагменты
и сумерок круг — в волшебстве.
И хрупкость такого момента —
шаги по слетевшей листве.

Спокойствия кроткая нота,
умевшая мир оправдать,
одна не исчезла забота —
беречь тебя как благодать.

Я около кустов
фиалку сорвала,
фиалок было сто —
А я одну взяла.

12 апреля 1986 г.

После кинофильма "Петр Великий"

Красная роза.
Красные листья.
Красная жидкость в стакане.
Красные руки.
Красные лица.
Красная кровь на кафтане.

Зима 1986 г.

В большой копилке бытия,
Где всякой мелочи навалом,
Есть жизнь простая и моя
С открытым сердцем и забралом.

Как это трудно быть собой
Под этим жестким ветром века,
А затеряться, стать толпой,
Так просто здесь – на этом свете.

Какой высокою ценой
За счастье платим, за удачу,
За доброту души родной,
За каждый миг, что много значит.

Друзей теряю на пути,
В большой дороге, или в малой,
А новых мне не обрести,
И нету рядом их... и мамы.

У П О Р Т Р Е Т А В. С.

КИСТИ В. ШАТАЛОВА

Как два полюса –
эти два цвета,
Как два полюса –
черный и белый.
Я стою, замерев,
у портрета,
расстрешенный
и оробелый.
Слова магию,
музыки,
света, –
всё,
что в сплаве высоком
искусства,
узнаю в твоём взгляде
Поэта, –
светлом,
нежном,
задумчивом,
грустном.

Б Л И К И

1.

Это имя всюду и всегда
Надо мною ворожит и веет.
Это имя – воля и вода –
Мной необъяснимо владеет.

Задремав, не выроню его.
Поцелую, не успев проснуться.
Имени коснуться твоего
Словно бы тебя коснуться.

2.

Как птица небесная
Взлетом и падом,
Ликую и бедствую
Над словом и взглядом.
И вовсе не птица,
Себе удивляюсь –
Какими крупичами
Я пробавляюсь.
Крупичами с голоду.
Но я не жалею
И милую голову
Глазами лелею.
О, что же так властно
Меня намагничивает?
Автобус ли красный,
Что горы провинчивает,
В котором пришиты
Мы накрепко рядом.
И нету защиты
От слова и взгляда.

3.

Не подруга, не жена,
А пытаешься.
Как ты, милая, жива,
Чем питаешься?
По дороге ни людей,
Ни строения.
За окошком лишь холмов
Настроение.
И несет меня с верши-
ны на впадину.
Погоди, не сокруши
То, что дадено.

4.

Ежедневное круженье —
Горы, сосны и пески —
Навевают ошущенье,
Будто мы с тобой близки.
Не гони воображенье,
Не хватайся за виски.
Наши встречи — изверженья
Накопившейся тоски.
Наши взрывы—притяженья
Нас размечут на куски.

5.

Снова вывожу себя гулять.
Вершит фонарь,
И я вижу под ним
Свою тень на собачьем поводке.
Снова вытаптываю свою тоску
В дикой надежде, что вот он появится.
Еще не могу поверить,
Что он не хочет меня видеть.

Джиму Вильсону

Время идет через нас.
Сверяем часы
память дорог
шагов.
Сверяем часы чтоб не опоздать
чтобы стрелки поздно не прошли
круг
числ
сторожевых.
Уходят поезда.
Зеленый флажок
выстук колес.
Сверяем часы.
Самолет набирает полет.
Весна.
Синева.
Мы.
Сверяем часы.
А время идет через нас.

*
*   *
*

У обочины незабудки —
голубая моя недорога
а так хочется
одинокчества
под полумесяцем над стогом.
Так хочется вернуться к дому
постучать в его родную дверь...

Недавно снилось —
открыла женщина которую не помню
и ни слова не сказала мне.

Кончается
второе
тысячелетье
в пустыне из которой
женщина с младенцем на руках
смотрит вечность
и как на вече
собирает
солнце
небо
берег
прибой.
Шумит он. Загораю.
И словно вижу
и словно слышу
но слепой
но глухой
только чувствую
только говорю с собой
потому что стараюсь поверить
кораблям
дорогам
и песням Земли.

Поэты
зажгите стихи.

Всё случается
в непогоду.
Что случается
в непогоду...
Чайник поставишь и чаю
в кружку нальешь с медом
торопливый глоток выпалит нёбо
ругнешься на одном из шести континентов
голубой планеты
и где-то
в городе без названия
на улице без названия
откликнется эхо
в будни оползающего века
где ты
где я
только затерянные образы
оставшиеся от тех, что на заре розовой
в кудряшках цвета пакли
бежали вдоль реки
а вокруг пахли
цветы
медом.

Но всё случается
в непогоду.

*
*   *

За морями синими
где земля высокая
над красными россиями
цветет белая черемуха.
Слово красивое женское
словно русская женщина
из жемчуга
из радуги
из радости.

Мерещится
из книги памяти
из безмолвия ночей
века моего беспмятство
решеток проволок колючих
и вышек лагерей.
Мерещится
дитя цветущий сад
и женщина
как Ева
и крик ея немой
и поступь тяжкая солдат
и метелей белых
развив ея волос
над всеми ярами
над всеми ямами
и я художник цветами яркими
дом земной пою – ея земной погост.
В тревожной мании
всё мерещится мне смерть –
самая из всех смертей
небо мне мерещится
затянутое льдами
и руки
сплошные руки
над всей землею руки
живые руки --
мертвых Матерей.

Владимир Шаталов

"Гоголь"

Масло, акрилик

Уже грохает ведрами кто-то,
Уже топчется стадо в хлеву,
Уже день развязался с заботой,
Уже вижу закат наяву.

Уже солнце впритык к горизонту,
Уже сбрило свои волоса, —
Пусть уходит к подземному фронту,
Пусть луны отрастает коса.

Пусть она закудрявится в мраке,
Пусть завидовать станет заря,
Пусть любуются травы и маки,
Пусть их тешит — все это не зря...

*
*   *
*

Скомкана в небе лохматая синь,
Город мордастый затхлостью давит,
Август с деревьев листвы натрусил —
Чешется ветер в аллеях о гравий.

Туча раскрылась огненной топкой, —
Будто бы сонною пастью зевнув.
В черную улицу нехотя, робко
Желтые ноги закат протянул.

Мы очень мало отдохнули,
Мы пили скорбь, почти семь лет,
Когда в Европе ветры дули,
Бросая нас по всей земле.

Тогда соблазн души не трогал,
Мы в стужу мечась по степям, —
Бросали всё, лишь только Бога
Хранили каждый про себя.

Нас поступь смерти торопила,
И мертвых в слякоти снегов
Мы отпевали без кадила,
И погребали без крестов.

С родной земли, куда попало
Народ валил со всех концов.
В пути под воющим металлом, —
Теряли жен, детей, отцов.

А дети — чистые кристаллы!
Я вспоминаю вас опять, —
Несли на плечиках усталых
Свою измученную мать!

Такой беды не одолеешь...
Но я весь путь ее вкушал.
О, как ты в горе богатеешь
Моя усталая душа!

ВЕСЕННЕЕ

Всё выше солнце. Бьет капель
По лужицам нестройно...
Какой шальной опять апрель,
Как спится беспокойно!

Не потому ли, что с другой
Нет духу утешенья,
Что вспомнил я случайно твой
Забывтый день рожденья,

У въезда бересклета куст,
Весь дом в парадном блеске,
Безмолвное признание уст
И солнце в занавеске.

ЛИШНИЙ

Смутил мой ум весною
Старый, обломанный клен;
Он робкой и мелкой листвою
Был чуть озеленен.

А крона невесты-вишни
Купалась в молодой белизне;
Знать, потому и я лишний
В твоей весне.

Шли поезда из Белграда,
Когда постулат утвержден,
Что люд мы – чужого разряда,
И начался скорый изгон.

Красные звезды сверкали,
Но выйдя на крытый перрон,
Сербки нас в путь провожали,
Мелко крестя эшелон.

Дом твой и старую грушу
Несло невозвратно назад,
И сек мою память и душу
Дунайский цветной звездопад.

*
*   *

Коротко канадское лето,
Звездопадов не жди,
Чаще всего, до рассвета
Льют голубые дожди.

Или же в небе отсветы
Северных, дальних ночей,
В них чудятся полуответы
На прошлое жизни моей.

СОБЛАЗНЫ И ТЕНИ

В дачном лесу тишина,
Месяц ушел за верхушки;
И ты ли горюешь одна,
Прижавшись щекою к подушке?

Пугает ли сердце и ночь
Холодная царственность ложа?
С тобою ли меньшая дочь,
Что на двоих нас похожа?

Из-за потерянных лет
Душила ли память арканом?
Или спокоен рассвет
В улочке, за океаном,

И во хмелю ото сна,
Тайны своей не скрывая,
Целуешь дружка, как жена,
У остановки трамвая?

Светает... Безликой гурьбой
Уходят соблазны и тени,
И больше не смотрят в покой
Твоими глазами олени.

ПОЛОВЕЦКИЕ ПЛЯСКИ

*Родимец сказал о нем — половец.
После жестокой сечи половцы разбе-
жались по степям, гонимые дружиной
киевского князя и, может быть, по-
сейчас бегают.*

Ручкан

1.

*она ему за эти ласки
устроит половецки пляски*

в пылу овец
в полыни пыли
их бритолобые пупы
губою конской воду пили
у мариупольской губы

их кони мчали по лиману
страдали жены по лимону
когда в седле костяк ломали
они под тяжестью полону

их воин нижней половиной
сростясь с конем он стал полканом
древляне шли на них полками
как будто мухи на повидло

и разразилась в поле сеча
свой рот разиня ором веча
орлом ширяясь и веще
все тополя горят как свечи

в широком поле конник свищет
и богатур зовомый савва
уже двумя ушами слышит
как над полком гремело: слава!

о слава тем и сим не павшим
в леса урочища и пашни
и дымом боевым пропахшим
и смертного отведав брашна

зане славяне солонели
в тылу поллюций половцов
писах об этом солоневич
строки широкой полосой

*а в поле страшно в поле страшно
и пролито кроваво брашно*

2

*ах поле поле поле
влюблен в девицу полю
не чувствует он боли
в подлобье и в подболбы*

всю жизнь прожив в подполье
питаюсь огурцами
мечтал он в чисто поле
на схватку с половцами

там где в степях полынно
луною полоумной
маним был жить былинно
но бит был половиной

зане в пыли ставрополья
у белой речки лабы
стояли как два тополя
две каменные бабы

их каменные груди
и каменный пупок
манили разны люди
на запад и восток

и поле половцами
цвело как маки веснами
а в пойме полонянки
махали в полдень веслами

*и раздавались плески
плясали полонянки
те половецки пляски
на выбритой полянке*

3

*но половец погал в полон
и телом был он полон
и с данью князю на поклон
явился ровно в полдень*

а данью была овца
имевшая пол-лица
и два бараньих яйца
в китайском шелку полосатом

и натянув клубук
перед костром варяга
тот половец барыга
сломал себе каблук

*и пляски половеца
имели несть конца*

С О Н Е Т   С Ы Н У

Нет горячее солнца, чем любовь.
Тростинка, восхваленная словами —
умрет в огне, повернутая к пламени,
но только не умрет моя любовь.

Сон убегает ртутью. В изголовье
лежат стихи. И в полной тишине
два месяца — два детские надбровья —
в двух зеркалах утонут в белизне.

Как водоросли руки уплывают.
Ладони и дыхание теплы.
Ты засыпаешь. Разноцветным "мама"

увешаны по комнате углы.
И сохнут голубые акварели,
отбросив тени у твоей постели.

С О Н Е Т   V I I

И снова, словно в карточной колоде,
перетасованы года и имена,
и лепятся друг к другу на ограде
чугунных букв нестертые бока .

Уйметса день, совсем как новобрачный,
и лунным светом пальма изойдет.
А жажда обновления, как прежде,
спускается с невиданных высот.

Наступит день легко, без проволочек.
И ересь оборвавшейся любви,
и звезд высоких обретенный почерк,

недосягаемость и запах птичьих крыл —
всё промелькнет, оставшись многоточьем,
затертым цветом утренних белил.

С утра, я вижу, птицы на траву
слетаются прекрасно и устало,
как будто им совсем не вмоготу
в далеком небе стало.

Они рисунок душ изобразят,
когда рассыпят перья и застынут
(как на море пустые невода),
причудливой и дикою картиной.

В их приземленье, в музыке их слез
разлад и одиночество увижу.
И землю в ожиданье ранних гроз –
в медовой пазухе застывшей.

(Из зарубежного поэтического наследия)

Р О Д И Н А

От ветра в ивах было шатко.
Река свивалась в два узла.
И к ней мужицкая лошадка
Возок забрызганный везла.

А за рекой, за ней, в покосах,
Где степь дымила свой пустырь,
Вставал в лучах еще раскосых
Зарозовевший монастырь.

И ныло отдаленным гулом
Почти у самого чела,
Как-бы над кучером сугулым
Вилась усталая пчела.

И это утро, обрастая
Тоской, острей которой нет, —
Я снова вижу из Китая
Почти через двенадцать лет.

В НИЖНЕУДИНСКЕ

День расцветал и был хрустальным,
 В снегу скрипел протяжно шаг.
 Висел над зданием вокзальным
 Беспомощно нерусский флаг.

И помню звенья эшелона,
 Затихшего, как неживой,
 Стоял у синего вагона
 Румяный чешский часовой.

И было точно погребальным
 Охраны хмурое кольцо,
 Но вдруг на миг в стекле зеркальном
 Мелькнуло строгое лицо.

Уста, уже без капли крови,
 Сурово сжатые уста!...
 Глаза, надломленные брови,
 И между них — Его черта, —

Та складка боли, напряженья,
 В которой роковое есть...
 Рука сама пришла в движенье,
 И, проходя, я отдал честь.

И этот жест в морозе лютом,
 В той перламутровой тиши, —
 Моим последним был салютом,
 Салютом сердца и души!

И он ответил мне наклоном
 Своей прекрасной головы...
 И паровоз далеким стоном
 Кого-то звал из синевы,

И было горько мне. И ковка
 Перед вагоном скрипнул снег:
 То с наклоненною винтовкой
 Ко мне шагнул румяный чех.

И тормоза прогрохотали, —
 Лязг приближался, пролетел...
 Умчали чехи Адмирала
 В Иркутск — на пытку и расстрел!

К Л И Н

Потому что вносить нельзя
Погоду сего дня в этот вчерашний дом —
Обувь снимите, переступая его порог;
Ибо вы не сделаете неверного шага,
Войдя сюда так — через благоговение и любовь.
Покуда время пробежит несколько кратких шагов —
Эти стены вместят в себя страждущий дух,
Жаждавший наградить нас невозможными дарами
Из мира звуков, где жил он в нежнейшие из своих часов.
Петр Ильич, как безмятежно неблагодарные сии
Берут приношения Ваши, извлеченные из боли,
Употребляя их как безделушки, украшая ими
Пустоту праздного времени после полудня...
Ныне те из нас, которые коснулись бы Ваших рук,
Прося прощения, умоляя продолжать
Ради нас Ваши странствия поисков,
Могут лишь поздороваться со своими спутниками здесь,
Кроткими и немыми; ведь даже они поднялись немного
Над обыкновенной своей тусклостью, —
Они поняли, что прикоснулись к Вашей судьбе и радости.
Халат Ваш висит здесь на своем деревянном крючке
Над кроватью — такой правдивой по своей форме.
Она просто служила Вашей потребности
Обрести равновесие и силу для дня;
И здесь же стоит Ваш письменный стол
В своей коричневой неприкосновенности,
Вечно ожидая миг освобождения,
Миг, когда понадобится Вам его сила, преданная его тишина;

И ближайший из всех друзей – инструмент,
Которому Вы обнажали свое сердце, ныне оно безмолвно
Стареет и ржавеет, время от времени струны его
Невольно вибрируют от прикосновения
Чужих пальцев. Но именно здесь, Петр Ильич,
Здесь даже Ваш дух, витавший высоко и далёко,
Обрел под конец свой земной дом.
Когда, окутанные морозом березы, одиноко стояли
В снегу, мягком и глубоком вокруг их корней,
Тогда, в безмолвии русского зимнего утра,
Ваши глубокие корни пели новую песнь
О земле – обретенной и хранимой,
О достигнутой пристани. Но наступала долгая ночь,
Открывающая новые призрачные дали,
Ваши вольные крылья забились внутри Вас
Настойчивее, отчаяннее
Ища выход.

Перевод с англ. В. Синкевич

ОБ АВТОРАХ

АЛЕКСЕЕВА, Лидия Алексеевна. Нью-Йорк, США. Род. в 1909 году в Двинске. Уехала из России в 1920 г. Сборники стихов: "Лесное солнце", 1954; "В пути", 1959; "Прозрачный след", 1954; "Время разлук", 1971; "Стихи", 1980.

АНСТЕЙ, Ольга Николаевна. Род. в 1912 г. в Киеве. Умерла в 1985 г. в Нью-Йорке. Уехала из России в 1943 г. Сборники стихов: "Дверь в стене", 1949; "На юру", 1976.

БАБИЧ, Олеся Джерси Сити, США. Род. в 1974 г. в Ленинграде. Уехала из России в 1980 г. Первая публикация.

БАБИЧ, Павел Александрович. Джерси Сити, США. Родился в 1933 г. в Ленинграде. Уехал из России в 1980 г. Печатается в русских зарубежных периодических изданиях.

БОБРИЦКИЙ, Юрий Викторович. Бронксвилль, Нью-Йорк, США. Живописец, график, художник-декоратор, скульптор, фотограф. Род. в 1917 г. в Харькове. Уехал из России в 40-х годах. Персональные выставки в США, Австрии и Германии.

БОГАЧИНСКАЯ, Инна Яковлевна. Нью-Йорк, США. Род. в 1946 году в Москве. Уехала из России в семидесятых годах. Сборник стихов: "СТИХИЯ", 1983.

ВАЙЛЬ, Ирина Львовна. Бостон, США. Род. в 1941 г. в Харькове. Уехала из России в 1982 г. Печатается в русских зарубежных периодических изданиях.

ВЕТРОВ, Борис Соломонович. Нью-Йорк, США. Род. в 1937 г. в Горьком. Уехал из России в семидесятых годах. Сборник стихов: "Струна горизонта", 1982

ВЛАДИМИРОВА, Лия Натанья, Израиль. Поэт, прозаик. Род. в 1936 г. в Москве. Уехала из России в семидесятых годах. Сборники стихов: "Связь времен", 1975; "Пора предчувствий", 1978; "Снег и песок", 1982.

ВОЛОВИК, Александр. Иерусалим, Израиль. Род. в 1931 г. в Горьком. Уехал из России в семидесятых годах. Сборник стихов: "Процессия".

ГЛЕЗЕР, Александр Давыдович. Париж, Франция. Джерси Сити, США. Поэт, искусствовед, редактор, издатель. Род. в 1934 году в Баку. Уехал из России в семидесятых годах. Сборники стихов: "Добрые снега", 1965; "Ностальгия", 1977.

ГОЛЛЕРБАХ, Сергей Львович. Нью-Йорк, США. Живописец, график, эссеист, педагог. Род. в 1923 г. в Ленинграде. Уехал из России в сороковых годах. Член Национальной Академии Художеств, Американского Общества Акварелистов и т.д. Представлен во многих музеях США.

ДИМЕР, Евгения Александровна. Вест Оранж, США. Род. в 1925 г. в Киеве. Уехала из России в сороковых годах. Сборники стихов: "Дальние пристани", 1967; "С девятого вала", 1977; "Молчаливая любовь" – стихи и рассказы, 1979.

ДУБРОВИНА, Елена Михайловна. Филадельфия, США. Род. в 1946 г. в Ленинграде. Уехала из России в семидесятых годах. Печатается в русских зарубежных периодических изданиях.

ЕЛАГИН, Иван Венедиктович. Питтсбург, США. Род. в 1918 г. во Владивостоке. Уехал из России в сороковых годах. Сборники стихов: "По дороге оттуда", 1947; "Ты, мое столетие", 1948; "Портрет мадмуазель Таржи", 1949; "Политические фельетоны в стихах", 1959; "Отсветы ночные", 1963; "Косой полет", 1967; "Дракон на крыше", 1973; "Под созвездием топора", 1976; "В зале вселенной", 1982.

ИЛЬИНСКИЙ, Олег Павлович. Нью-Йорк, США. Род. в 1932 г. в Москве. Уехал из России в сороковых годах. Сборники стихов: "Стихи", 1960; "Стихи. Книга вторая", 1962; "Стихи. Книга третья", 1966; "Стихи. Книга четвертая", 1976; "Стихи. Книга пятая", 1981.

ИОФФЕ, Елена Владимировна. Иерусалим. Род. в Ленинграде. Уехала из России в семидесятых годах. Печатается в русских зарубежных периодических изданиях.

КАРНОВА, Надежда Павловна. Филадельфия, США. Скульптор, педагог. Род. в 1947 г. в Филадельфии. Персональные выставки в США. Участница многих национальных выставок.

КЕНЖЕЕВ, Бахыт. Монреаль, Канада. Поэт, литературный критик. Род. в 1950 г. в Москве. Уехал из России в 1982 г. Сборник стихов: "Избранная лирика", 1985.

КОСМАН, Нина Леонидовна. Нью-Йорк, США. Род. в 1959 г. в Москве. Уехала из России в семидесятых годах. Печатается в русских зарубежных периодических изданиях.

КРЕЙД (Крейденков), Вадим Прокопьевич. Айова Сити, США. Поэт, литературовед, профессор-славист. Род. в 1936 г. в Нерчинске. Уехал из России в семидесятых годах. Сборник стихов: "Восьмигранник", 1966.

КРЕПС, Михаил Борисович. Бостон, США. Поэт, литературовед, критик, профессор-славист. Род. в 1940 г. в Ленинграде. Печатается в русских зарубежных периодических изданиях.

КУЗЬМИНСКИЙ, Константин Константинович. Нью-Йорк, США. Поэт, литературный критик, искусствовед. Род. в 1940 г. в Ленинграде. Уехал из России в семидесятых годах. Печатается в русских зарубежных периодических изданиях.

ЛАЗУХИН, Михаил Сергеевич. Филадельфия, США. Живописец, график, педагог. Род. в 1923 г. в Краматорске. Уехал из России в сороковых годах. Участник национальных и международных выставок. Представлен в музеях США, Испании, Польши, Франции, Бразилии, Швеции, Англии. Член многих художественных обществ в США.

ЛЕВИНЗОН, Рина Семеновна. Иерусалим, Израиль. Род. в Москве. Уехала из России в семидесятых годах. Сборники стихов: "Путешествие", 1971; "Прилетай воробушек" (стихи для детей), 1974; "Два портрета", 1977; "Веселые стихи", 1978; "Снег в Иерусалиме", 1980; "Зарифмую два имени наших" (на иврите), 1981; "Отсутствие осени", 1985; "Gedichte" (на немецком), 1986; "Ветка яблони, ветка сирени" (на арабском), 1986.

ЛОСЕВ, Лев Владимирович. ХанOVER, США. Поэт, литературовед, профессор-славист. Род. в 1937 г. в Ленинграде. Уехал из России в семидесятых годах. Сборник стихов: "Чудесный десант", 1985.

МИХАЛЕВИЧ-КАПЛАН, Игорь Михайлович. Филадельфия, США. Род. в 1943 г. в Мары (Туркменская ССР). Уехал из России в семидесятых годах. Сборники стихов: "Посадить дерево", 1983; "Окна в лето", 1986.

МОРШЕН, Николай Николаевич. Монтерей, США. Род. в 1917 г. в Киеве. Уехал из России в сороковых годах. Сборники стихов: "Тюлень", 1959; "Двоеточие", 1957; "Эхо и зеркало", 1979.

МУРАВЬЕВ, Петр Александрович. Уайкофф, Нью Джерси, США. Художник, писатель. Род. в 1926 г. в Белграде. Участник многочисленных выставок в США.

НЕСМЕЛОВ, Арсений Иванович. (Митропольский). Поэт русского дальневосточного Зарубежья. Увезен в СССР из Харбина в сороковых годах. По слухам погиб в пути. Сборники стихов: "Стихи", 1921; "Кровавый отблеск", 1928; "Без России", 1931; "Через океан", 1934; "Полустанок", 1938; "Протопопица", (поэма), 1939; "Белая флотилия", 1942.

ОДИНОКОВ, Владимир Васильевич. Оксфорд, США. Живописец, художник-декоратор. Род. в Москве. Уехал из России в сороковых годах. Член Союза Американских Художников Театра. Многолетний стаж работы в театре "Метрополитен", Нью-Йорк.

ОДОЕВЦЕВА, Ирина Владимировна. Париж, Франция. Поэтесса, писательница. Род. в 1901 г. в Риге. Уехала из России в 1921 г. Член гумилевского Цеха поэтов. Сборники стихов: "Двор чудес", 1922; "Контрапункт", 1950; "Стихи, написанные во время болезни", 1952; "Десять лет", 1961; "Одиночество", 1965; "Златая цепь", 1975; "Портрет в рифмованной раме", 1976.

ПАСТЕРНАК, Надежда Ивелевна. Хадера, Израиль. Род. в 1950 г. Уехала из России в семидесятых годах. Печатается в русских зарубежных периодических изданиях.

РАУЛИНС, Винфред. Медиа, Пенсильвания, США. Американская поэтесса. Род. в 1907 г. в Лондоне. Автор восьми сборников стихов, вышедших в Америке в 1952-1977 гг.

РОСТОВСКИЙ, Александр Николаевич. Керхонксон, США. Род. в 1909 г. в Ростове-на-Дону. Уехал из России в сороковых годах. Печатается в русских зарубежных периодических изданиях.

РЯЗАНОВСКИЙ, Александр Валентинович. Филадельфия, США. Поэт, профессор-историк. Род. в 1928 г. в Харбине, Манчжурия. Печатается в американских и русских зарубежных периодических изданиях.

САЗОНОВ, Ростислав Дмитриевич. Нью-Йорк, США. Живописец, график и театральный художник. Род. в 1906 г. в Петербурге. Уехал из России в 1920 г. Член художественных объединений США. Участник многочисленных выставок в Европе и Америке.

СЕМЕНЮК, Леонид Афанасьевич. Даунсвью, Канада. Род. в 1924 г. в Мокра Гора, Сербия. Печатается в русских зарубежных периодических изданиях США и Канады.

СИНКЕВИЧ, Валентина Алексеевна. Филадельфия, США. Род. в 1926 г. в Киеве. Уехала из России в сороковых годах. Сборники стихов: "Огни", 1973; "Наступление дня", 1978. "Цветенье трав", 1985.

ТАУБЕР, Екатерина Леонидовна. Мужен, Франция. Род. в 1903 году в Харькове. Уехала из России в двадцатых годах. Сборники стихов: "Одиночество", 1935; "Под сенью оливы", 1948; "Плечо с плечом", 1954; "Нездешний лом", 1973; "Верность", 1984.

УРИН, Виктор Аркадьевич. Нью-Йорк, США. Род. в 1924 г. в Харькове. Уехал из России в семидесятых годах. Сборники стихов: "Весна победы", 1948; "К счастью", 1949; "Большая медведица", 1958; "Паспорт", 1969; "Избранная лирика", 1972; Трилогия "Жизнь поэта": "Вчера", 1979; "Сегодня", 1980; "Завтра", 1981; "Портреты", 1982; "Надолбы", 1985; "Бабий яр", 1986.

ФИЛИППОВ, Борис Андреевич. Вашингтон, США. Поэт, прозаик, литературовед, редактор. Род. в 1905 г. в Ставрополе Кавказском. Уехал из России в сороковых годах. Сборники стихов: "Ветер Скифии", 1959; "Непогода", 1960; "Бремя времени", 1961; "Рубежи", 1962; "Стынушая вечность", 1964; "За тридцать лет", 1971.

ШАПИРО, Борис Израилевич. Регенсбург, Германия. Род. в 1944 г. в Москве. Уехал из России в семидесятых годах. Сборник стихов: "Соло на флейте", 1984.

ШАТАЛОВ, Владимир Михайлович. Филадельфия, США. Художник, поэт. Род. в 1918 г. в Белгороде. Уехал из России в сороковых годах. Член Национальной Академии Художеств, Объединения Американских Художников, Американского Общества Акварелистов и др. Участник национальных выставок в США.

